

ОН – ЕЁ НАЧАЛЬНИК.
ОНА – ЕГО ПРАВИЛО,
КОТОРОЕ ОН НИКОГДА

*не собирался
нарушать*

На один ЭТАЖ ВЫШЕ

ОНА ПРИШЛА В КОМПАНИЮ ОБЫЧНОЙ АССИСТЕНТКОЙ.
НО ОДНАЖДЫ ЕЙ ПРИШЛОСЬ ПОДНЯТЬСЯ
ГОРАЗДО ВЫШЕ, ЧЕМ ОНА КОГДА-ЛИБО МЕЧТАЛА.

ВАЛЕРИЯ КУДЯНОВА

Валерия Кулина

На один этаж выше

<https://litres.ru/74264059>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роуз Коллинз всегда знала, что большие мечты требуют больших жертв. Днем она учится на архитектора, а вечерами разбирает документы в маленькой компании, пытаясь доказать себе и всему миру, что однажды сможет добиться большего.

Все меняется в тот момент, когда судьба сталкивает ее с Максом Синклером — холодным, требовательным и невероятно успешным генеральным директором одной из крупнейших строительных компаний Нью-Йорка. Получив место его ассистентки, Роуз оказывается в мире стеклянных небоскребов, многомиллионных контрактов и бесконечной борьбы за право быть услышанной.

Но чем выше она поднимается по карьерной лестнице, тем сложнее становится игнорировать чувства, которые возникают между ней и человеком, для которого работа всегда была важнее всего остального.

Когда предательство внутри компании ставит под угрозу будущее SDG, Роуз и Макс придется сделать выбор между долгом и сердцем, амбициями и любовью.

Валерия Кулина

На один этаж выше

Глава 1.

Роуз Коллинз снова проснулась от холода, не от того резкого и неприятного холода, который заставляет человека подскочить и первым делом проверить батареи, а от другого — утреннего, ожидаемого. Он пробрался под одеяло через приоткрытое окно, коснулся босой ступни и скользнул по щиколотке. Роуз не сразу открыла глаза. Сначала она почувствовала под щекой что-то шершавое, потом — боль в шее, затем — тяжесть в правой руке, затекшей от неудобного положения и только спустя несколько секунд поняла, что лежит не на подушке, а на распечатанной схеме участка. Схема была измята, на ней, прямо под ее щекой, расплылась тонкая синяя линия маркера, которой она вчера вечером обвела въездную группу будущего жилого комплекса или, если быть точнее, пыталась обвести. Где-то между третьей чашкой кофе, расчетами по паркингу и сравнением стоимости фасадных материалов Роуз, видимо, просто отключилась. Она медленно открыла глаза. Потолок маленькой спальни был серым в предраассветном свете. За окном едва начинал просыпаться Нью-Йорк: внизу проехал первый мусоровоз, где-то хлопнула дверь подъезда, по трубам в стене прошел тихий гул воды. Город еще не шумел во всю силу,

но уже шевелился. Роуз повернула голову, постель была засыпана бумагами. Листы лежали везде: под одеялом, на полу, на подушке, у края кровати, возле ночника, в котором уже перегорела одна из лампочек, но заменить ее все никак не хватало времени. На одном листе были финансовые таблицы, на другом — черновой план коммерческого предложения, на третьем — перечень возможных вопросов инвесторов, которые она составляла ночью, потому что не доверяла ни одному идеально гладкому документу без списка того, что может пойти не так. На одеяле валялась ручка без колпачка, на полу — кружка с недопитым кофе, на ноутбуке, стоявшем у изножья кровати, все еще светился открытый файл: Sinclair Development Group — коммерческое предложение. Финальная редакция. Роуз посмотрела на эти слова и закрыла глаза обратно.

— Только не говори мне, что ты снова не выключилась, — пробормотала она себе под нос. Ответа, разумеется, не последовало. Она вообще часто разговаривала с собой по утрам. Так ей казалось, что день начинается чуть более организованно, если проговорить вслух, что нужно сделать, есть шанс, что хотя бы половина из этого действительно будет сделана. Роуз осторожно приподнялась на локтях, сразу же хрустнул лист, она замерла. Медленно подняла одеяло и увидела, что под ним оказался один из самых важных распечатанных расчетов — таблица с предполагаемой доходностью проекта. Верхний угол был безнадежно загнут, а на полях

остался след от ее ладони.

— Прекрасно, — тихо сказала Роуз. — Просто прекрасно. Именно так выглядят документы, которые завтра должны увидеть люди. Она взяла лист, разгладила его ладонью, потом еще раз, потом поняла, что это бессмысленно, и отложила в стопку с пометкой «перепечатать». Утро начиналось как обычно, с небольшого хаоса, но Роуз умела жить в хаосе так, будто это был не хаос, а временно неструктурированная система. Она не боялась беспорядка, беспорядок можно было разобрать, куда страшнее были люди, которые улыбались тебе в лицо, пока незаметно перекладывали свои ошибки на твой стол. Таких людей в ее жизни хватало. Роуз села на кровати, собрала волосы в небрежный узел и несколько секунд просто смотрела на бумаги. Ей было двадцать три, иногда она чувствовала себя на сорок. Не из-за усталости даже, а из-за странной привычки постоянно думать на три шага вперед. Когда ее ровесницы спорили, какое платье надеть в пятницу вечером, Роуз считала, сколько останется после оплаты проездного, учебного взноса, коммунальных платежей и перевода матери. Когда кто-то жаловался, что устал от работы, она думала не о том, как бы отдохнуть, а о том, где взять еще одну подработку так, чтобы не сойти с ума окончательно. При этом внешне она не выглядела человеком, который живет в вечном напряжении.

У Роуз было то редкое лицо, которое не становилось жёстче от усталости, а будто только спокойнее. Светлая кожа, ка-

рие глаза — внимательные, теплые, но иногда слишком серьезные для ее возраста, длинные темно-русые волосы, которые на солнце становились почти медовыми, прямой нос, мягкие губы, тонкие брови, которые она редко красила, потому что по утрам обычно выбирала между макияжем и еще десятью минутами сна. Почти всегда побеждал сон. Она не была той красотой, на которую обращаются сразу, в ней не было вызова, не было желания занимать собой комнату, но стоило задержать на ней взгляд чуть дольше — и становилось понятно, почему люди потом невольно искали ее снова. В ее лице было спокойствие, как у человека, который много раз оказывался в ситуации, где проще было заплакать, но он вместо этого доставал блокнот и начинал составлять план. Роуз спустила ноги на холодный пол, поморщилась и потянулась за телефоном. Шесть двадцать семь. Будильник должен был прозвенеть через три минуты. Она посмотрела на экран так, будто телефон лично ее предал.

— Ну конечно, — сказала она. — Зачем человеку три минуты сна? Роскошь. На экране светилось еще одно уведомление. Напоминание: оплата обучения — через 12 дней. Роуз несколько секунд смотрела на эту строку, затем быстро смахнула уведомление.

Она знала эту сумму наизусть. Знала до цента. Знала, сколько уже отложено, сколько не хватает, и сколько может добавить Ричард, если презентация для Sinclair Development Group пройдет хорошо и он действительно выполнит свое

обещание о премии. Это «если» уже месяц сидело у нее где-то под ребрами. Sinclair Development Group.

Само название звучало так, будто принадлежало не компании, а отдельному уровню жизни. Такой, куда люди вроде Роуз обычно попадали только в качестве обслуживающего персонала, временных сотрудников или имени внизу таблицы. SDG строила не просто дома. Она строила кварталы, о которых писали деловые журналы, башни, которые меняли линию горизонта, жилые комплексы, где стоимость квартиры могла равняться бюджету маленькой страны. Их проекты обсуждали архитекторы, инвесторы, критики и те, кто просто любил смотреть на Нью-Йорк снизу вверх, мечтая однажды подняться выше и вот уже месяц маленькая компания Ричарда Хоторна готовила для них предложение по одному из субподрядов, а Роуз готовила это предложение так, будто от него зависела не только работа компании, но и ее собственная жизнь. В каком-то смысле так и было. Она поднялась, собрала с кровати самые важные листы, аккуратно сложила их в папку, потом, подумав, добавила еще три документа, затем забрала кружку, ноутбук, ручку без колпачка и один стикер, приклеившийся к рукаву ее старой домашней кофты.

Через сорок минут она уже стояла на кухне, наспех пила кофе и пыталась одновременно поджарить тост, найти вторую серьгу и не забыть зарядку от ноутбука. Квартира была маленькая. Одна спальня, кухня, узкая ванная и гости-

ная, которая выполняла сразу все функции: место для работы, место для глажки, место для хранения коробок, место для редких ужинов с подругами и место, где Роуз иногда обещала себе заняться йогой, но обычно просто складывала туда папки. Она жила здесь второй год. Не из-за того, что квартира была удобной. Она была недешевой, как почти все в Нью-Йорке, и слишком далеко от того района, где Роуз мечтала бы жить, но здесь было безопасно, рядом проходила нужная ветка метро, а из окна кухни, если встать на цыпочки и смотреть между домами, можно было увидеть кусочек неба, который вечером становился розовым. Этого хватало. Телефон завибрировал на столе. Мама. Роуз сразу взяла.

— Доброе утро, мам.

— Ты уже встала? — голос Линды Коллинз звучал бодро, но Роуз знала эту бодрость слишком хорошо. Так мать говорила, когда хотела скрыть тревогу.

— Конечно.

— Спала? Роуз посмотрела на папку с документами.

— Почти.

— Роуз.

— Мам.

— Это не ответ.

— Это дипломатический ответ. Линда вздохнула.

— У тебя завтра эта большая презентация?

— Да. Сегодня финальная подготовка, завтра они приезжают.

— Как называется компания?

— Sinclair Development Group.

— Это те, у кого офис в огромной стеклянной башне?

— У них несколько офисов, мам.

— Значит, да. Роуз улыбнулась и сделала глоток кофе.

— Возможно. На другом конце линии послышался шорох.

Мать, скорее всего, искала очки, или квитанцию, или и то, и другое одновременно. После смерти отца Линда научилась справляться со всем, но привычка волноваться за каждую бумажку осталась. Особенно за те, на которых были суммы.

— Я хотела тебе сказать, — начала она осторожно. — Банк прислал письмо по ипотеке. Ничего страшного, просто уточнение по платежу. Роуз поставила кружку на стол.

— Насколько «ничего страшного»?

— Роуз, я не для того звоню, чтобы ты опять все взяла на себя.

— Мам.

— Я серьезно.

— Сколько?

— Там небольшая доплата из-за пересчета страховки.

— Сколько? Линда назвала сумму. Роуз закрыла глаза. Не катастрофа, но неприятно. Суммы, которые не были катастрофой, имели подлое свойство приходить именно тогда, когда на катастрофу уже не хватало сил.

— Хорошо, — сказала она. — Я посмотрю вечером.

— Нет. Ты не будешь смотреть вечером, у тебя презента-

ция, я сама разберусь.

— Мам, мы обе знаем, что ты все равно пришлешь мне скриншот.

— Пришлю, чтобы ты просто посмотрела.

— Конечно.

— Не смейся.

— Я не смеюсь.

— Ты улыбаешься. Роуз действительно улыбалась.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я твоя мать. Несколько секунд они молчали. В этом молчании было больше нежности, чем в длинных разговорах. Роуз посмотрела на часы и поняла, что уже опаздывает.

— Мне пора бежать.

— Позавтракай

— Я позавтракала.

— Кофе — не еда.

— Тост — еда.

— Один тост?

— Мам.

— Ладно, ладно. Удачи тебе и, Роуз...

— Да? Голос Линды стал мягче.

— Не убивайся так, ни одна работа не стоит того, чтобы ты забывала жить. Роуз посмотрела на папку с логотипом SDG, который она распечатала на титульном листе предложения.

— Эта может стоять, — тихо сказала она.

— Что?

— Ничего. Я вечером позвоню. Она сбросила вызов, допила кофе, схватила сумку и уже почти вышла, но вернулась за папкой, потом за зарядкой, потом снова вернулась, потому что забыла закрыть окно. Обычное утро для Роуз.

Офис компании Richard Hawthorne Construction занимал два этажа старого здания на углу тихой улицы, где внизу находилась кофейня, флористический магазин и маленькая химчистка, в которой Роуз однажды испортили блузку, а потом две недели уверяли, что так и было.

Здание было не самым новым, лифт иногда дергался между третьим и четвертым этажами, отопление зимой работало по собственному настроению, а переговорная комната могла похвастаться видом на кирпичную стену соседнего дома, но Роуз любила это место.

Здесь пахло кофе, бумагой, краской для принтера и чем-то еще — почти домашним. Люди знали друг друга по именам. В понедельник кто-нибудь обязательно приносил печенье, в пятницу все делали вид, что работают до шести, хотя мысленно уходили после четырех. Здесь спорили, мирились, смеялись в коридорах, ругали подрядчиков и радовались каждому большому заказу так, будто выиграли международную премию.

Роуз вошла в офис в восемь сорок две, с мокрыми от утреннего тумана волосами и сумкой, которая весила так, будто она несла в ней кирпич.

— А вот и наша мисс Sinclair Development, — раздался голос Мэри Эллис от стойки секретаря.

Мэри сидела за своим столом, как капитан за штурвалом. Невысокая, круглолицая, с аккуратно уложенными седыми волосами и неизменной ниткой жемчуга на шее, она знала о компании все. От неё всегда можно было узнать кто с кем поссорился, кто ищет новую работу, кто разводится, кто тайно ест пончики на диете, кто забыл день рождения жены, кто на самом деле виноват в сорванной поставке плитки, хотя в отчете написано «погодные условия». Если бы Мэри когда-нибудь решила написать мемуары, половине Нью-Йорка пришлось бы переехать.

— Доброе утро, Мэри, — сказала Роуз, останавливаясь у стойки.

— Доброе? — Мэри прищурилась. — Девочка моя, у тебя вид человека, который видел не утро, а обратную сторону смерти.

— Спасибо. Очень вдохновляюще.

— Ты опять работала ночью?

— Нет. Мэри медленно подняла брови. Роуз выдержала паузу.

— Немного.

— «Немного» — это когда человек отвечает на одно письмо после ужина, а у тебя на щеке отпечаталась таблица. Роуз резко коснулась лица. Мэри довольно улыбнулась.

— Шучу.

— Это жестоко.

— Это забота. Хочешь кофе?

— Я уже пила.

— Значит, хочешь нормальный кофе. Роуз посмотрела в сторону своего рабочего места, потом на папку в руках, потом снова на Мэри.

— Очень хочу.

— Вот, честный ответ, уже прогресс. Мэри поднялась, достала из-за стойки бумажный стакан, который явно приготовила заранее, и протянула Роуз.

— Двойной эспрессо, немного молока, без сахара. Только не спорь, сегодня тебе это нужнее, чем гордость. Роуз взяла стакан обеими руками.

— Я вас обожаю.

— Знаю. Поэтому расскажу тебе первой. Роуз насторожилась.

— Что? Мэри наклонилась чуть ближе, хотя в приемной кроме них никого не было.

— У Сандры из бухгалтерии роман.

— Мэри.

— Что «Мэри»? Это важно для морального климата коллектива.

— У нас завтра презентация для SDG.

— А у Сандры роман с мужчиной из пожарной инспекции. И, между прочим, если у нас когда-нибудь внезапно пройдет проверка без замечаний, ты еще спасибо скажешь.

Роуз не выдержала и рассмеялась. Мэри довольно кивнула, будто именно этого и добивалась.

— Вот. Уже похожа на живого человека. Иди к Ричарду, он спрашивал тебя три раза.

— Сердится?

— Он? На тебя? Не смей меня. Он сердится только на принтер и городскую администрацию. Роуз пошла по коридору к кабинету Ричарда Хоторна. Дверь была приоткрыта. Изнутри доносился его голос:

— Нет, Джереми, я не могу поставить подпись под сметой, где лифт стоит как частный самолет, либо вы пересчитываете, либо мы ищем других поставщиков. Да. Именно так. Хорошего дня. Последние слова он произнес тоном, от которого «хороший день» звучал как угроза. Роуз постучала по косяку.

— Можно? Ричард поднял голову.

Ему было пятьдесят семь, но выглядел он моложе — не из-за отсутствия морщин, они как раз были, а из-за взгляда. У Ричарда Хоторна были глаза человека, который слишком много раз видел, как рушатся планы, сроки, бюджеты и человеческие обещания, но так и не научился верить, что все можно исправить, если сесть, выпить кофе и подумать. Он был высоким, широкоплечим, с густыми седыми волосами и привычкой закатывать рукава рубашки, даже если на нем был дорогой пиджак. В кабинете у него всегда стояли макеты старых проектов, фотографии построенных домов и смеш-

ная кружка с надписью: I fix problems I didn't create.

— Роуз, — сказал он, сразу смягчаясь. — Заходи, садись, только скажи мне, что ты спала.

— Я спала.

— Сколько?

— Это уточняющий вопрос, на который мой адвокат советовал бы не отвечать. Ричард рассмеялся и снял очки.

— Значит, мало.

— Достаточно, чтобы не перепутать SDG с налоговой службой.

— Уже хорошо. Роуз села напротив него и положила папку на стол. Ричард посмотрел на нее, потом на папку, потом снова на нее.

— Ты закончила?

— Почти. Осталось выровнять финансовый блок, перепроверить цифры по срокам и немного поправить речь для завтрашней презентации.

— Немного?

— Я хочу, чтобы звучало увереннее.

— Роуз.

— Что?

— Мы не выступаем на вручении Оскара.

— Нет, — серьезно сказала она. — Мы выступаем перед Sinclair Development Group. Это хуже. Ричард откинулся на спинку кресла и несколько секунд смотрел на нее с тем выражением, которое всегда заставляло Роуз чувствовать одно-

временно гордость и тревогу. Он умел слушать, а не кивать в ожидании своей очереди говорить.

— Ты очень хочешь, чтобы мы получили этот контракт, — сказал он.

— Конечно.

— Не только из-за компании. Роуз опустила взгляд на папку.

— Это хороший проект.

— Роуз. Она улыбнулась краем губ.

— Я хочу расти, Ричард. Он не перебивал.

— Я благодарна вам за все, правда, но я не хочу всю жизнь быть человеком, который только записывает чужие идеи в календарь. Я хочу понимать проекты изнутри, хочу вести переговоры, учиться, хочу однажды быть не просто ассистентом, а человеком, которого зовут в комнату из-за того что без него нельзя принять решение. Роуз сделала вдох.

— И еще мне нужна премия, — добавила она уже тише. — За этот проект. Если он пройдет. Ричард посмотрел на нее внимательнее.

— Учеба? Она кивнула.

— Следующий платеж через двенадцать дней.

— Сколько не хватает?

— Я не затем сказала.

— Я знаю.

— Ричард.

— Я знаю, — повторил он мягко. — Ты никогда не гово-

ришь такие вещи, чтобы попросить. В этом и проблема. Роуз сжала пальцы на коленях.

— Я справлюсь.

— Ты всегда справляешься, но иногда, Роуз, справляться — не значит делать все одной. Она хотела ответить, но не нашла слов. Ричард надел очки обратно, открыл папку и пробежал взглядом первые страницы.

— Хорошо, тогда слушай меня внимательно. Сегодня мы доводим это до идеала, завтра ты будешь сидеть рядом со мной на презентации. Роуз подняла глаза.

— Я?

— Ты.

— Но обычно вы берете Майкла из коммерческого отдела.

— Майкл не знает этот проект так, как ты.

— Ричард, я ассистент. Он посмотрел поверх очков.

— В моем кабинете ты сейчас звучишь как человек, который хочет быть не только ассистентом, так что не спорь, когда я даю тебе возможность. Она замолчала. В груди что-то болезненно сжалось, не от страха даже, а от того редкого ощущения, когда кто-то видит в тебе больше, чем ты сама решаешь показать.

— Спасибо, — сказала она.

— Не благодари. Просто сделай так, чтобы завтра люди из SDG поняли, что мы не маленькая компания, которая случайно получила их внимание.

— Сделаю.

— И еще.

— Да? Ричард указал ручкой на ее папку.

— До конца дня хочу финальную версию, без твоего ночного героизма. Мне нужен документ, а не подвиг. Роуз встала.

— Постараюсь.

— Роуз. Она остановилась у двери.

— Сегодня. До шести.

— До семи.

— До шести тридцати.

— Договорились. Ричард вздохнул.

— С тобой невозможно торговаться.

— Зато вам будет легче завтра с SDG. Он улыбнулся.

— Иди работай. Роуз вышла из кабинета уже с другим ощущением.

Усталость никуда не делась, кофе тоже не совершил чуда, но теперь у нее внутри появилась тонкая, прямая линия — как на чертеже. Цель. До вечера закончить, завтра выступить, получить контракт, получить премию, оплатить учебу. Она дошла до своего стола, поставила кофе рядом с ноутбуком и едва успела открыть файл, как над ней возникла тень.

— Коллинз. Роуз не подняла головы.

— Доброе утро, Этан.

— Уже почти девять.

— Тогда просто утро.

Этан Брукс стоял у ее стола с папкой в руках и выраже-

нием лица человека, который заранее уверен, что его недооценили. Ему было двадцать шесть, он работал помощником директора уже два года и считал, что должен был быть незаменимым для Ричарда. Проблема заключалась в том, что Ричард почему-то чаще спрашивал мнение Роуз.

Этан был симпатичным: светлые волосы, аккуратная борода, дорогие рубашки, слишком яркие галстуки и улыбка, которую он включал только для клиентов. В офисе он улыбался редко, особенно Роуз.

— Ричард сказал, ты ведешь финальную версию по SDG,
— произнес он.

— Да.

— Странно. Роуз наконец подняла глаза.

— Что именно?

— Просто обычно такие вещи доверяют коммерческому отделу или хотя бы человеку с опытом.

— У меня есть опыт.

— Ассистентский. Она несколько секунд смотрела на него спокойно.

Роуз рано поняла, что с людьми вроде Этана нельзя спорить так, как они хотят. Они ждут раздражения, оправданий, что ты начнешь доказывать свою ценность, а они смогут оценить тебя с высоты собственных комплексов. Лучший способ — не дать им сцены.

— Тебе что-то нужно? — спросила она. Этан поджал губы.

— Да. Ричард просил передать тебе данные по поставщикам, но я бы перепроверил, если бы был на твоём месте.

— Спасибо. Я перепроверю. Он положил папку на край её стола, слишком близко к стакану с кофе. Роуз заметила это. Этан тоже. Она спокойно взяла стакан и переставила его на другую сторону. Этан усмехнулся.

— Осторожная.

— В нашей работе это полезно.

— Иногда слишком осторожные люди упускают возможности. Роуз открыла папку.

— А иногда слишком самоуверенные — сроки. Он чуть заметно напрягся.

— Это намек?

— Это наблюдение. На секунду между ними повисла тишина, потом Этан наклонился чуть ближе.

— Слушай, Роуз. Я понимаю, Ричард к тебе хорошо относится, но завтрашняя встреча — это не место для твоего желания доказать, что ты можешь больше. Она медленно закрыла папку.

— А для чего это место?

— Для профессионалов.

— Тогда хорошо, что ты передал мне документы. Его лицо дернулось. Роуз снова посмотрела в экран, давая понять, что разговор окончен. Этан постоял ещё пару секунд, потом ушел, но не сразу, сначала бросил взгляд на её открытый файл. Роуз заметила и это. Именно эта привычка иногда спа-

сала ей день, а иногда мешала спать.

День превратился в бесконечную последовательность правок : цифры, сроки, поставщики, площади, условия, письма, звонки. В одиннадцать тридцать сломался принтер, в двенадцать пятнадцать Ричард попросил пересчитать расходы по логистике, в час дня Мэри принесла сэндвич и поставила его рядом с ноутбуком без обсуждений, в два сорок Этан прислал файл с ошибочной датой поставки, и Роуз потратила двадцать минут, чтобы понять, случайность это или очередная маленькая попытка подставить ее, в четыре десять Ричард вызвал ее в кабинет.

— Садись, — сказал он. На столе перед ним лежали распечатанные страницы презентации. Роуз села, стараясь не показывать, как устала. Ричард взял первую страницу.

— Начнем с главного. В целом — отлично. Она выдохнула.

— Но?

— Но ты слишком мягко формулируешь нашу позицию.

— В каком месте?

— Вот здесь. «Мы полагаем, что сможем обеспечить оптимальное соотношение сроков и качества». Нет. Он зачеркнул фразу ручкой.

— Нужно: «Мы обеспечим сокращение сроков без потери качества за счет уже выстроенной сети подрядчиков». Роуз наклонилась ближе.

— Но это звучит слишком уверенно.

— Потому что это правда.

— SDG будут давить вопросами.

— Конечно. Они не благотворительный фонд.

— Тогда лучше оставить себе пространство. Ричард посмотрел на нее внимательно.

— Роуз, ты очень хорошо умеешь готовить документы, но в переговорах есть одна вещь, которую тебе нужно запомнить. Если ты сама оставляешь людям пространство сомневаться в тебе, они обязательно им воспользуются.

— Ты сделала сильную работу, — продолжил он. — Не подавай ее так, будто заранее просишь прощения за то, что заняла место за столом. Эти слова попали точнее, чем он мог предположить. Роуз отвела взгляд к окну. Там, за стеклом, город уже начинал темнеть. Высокие здания отражали в себе серое небо, машины двигались плотным потоком, где-то вдалеке мигала вывеска.

— Мне иногда кажется, — сказала она тихо, — что если я буду говорить слишком уверенно, кто-нибудь обязательно спросит, кто я такая. Ричард долго смотрел на нее, потом сказал:

— Тогда ответь.

— Что?

— Кто ты такая? Роуз слегка улыбнулась.

— Ассистент.

— Неправильно. Она подняла глаза.

— А как правильно?

— Ты человек, который за месяц изучил проект глубже, чем половина людей, которые будут завтра сидеть в переговорной. Ты человек, который нашел три ошибки в коммерческом блоке, две — в логистике и одну — в документах подрядчика. Ты человек, без которого я завтра буду выглядеть гораздо хуже. Роуз почувствовала, как к горлу подступает ком.

— Ричард...

— Поэтому, если кто-то спросит, кто ты такая, отвечай спокойно, Роуз Коллинз и этого достаточно. Она кивнула, но сначала пришлось сглотнуть.

— Хорошо.

— Вот теперь переписывай речь.

— До шести тридцати? Ричард посмотрел на часы.

— До семи. Роуз улыбнулась.

— Спасибо.

— Не привыкай.

К семи пятнадцати финальная версия была готова, к семи двадцати Роуз отправила ее Ричарду, к семи двадцати двум получила от него ответ: Хорошо. Иди отдыхать. К семи двадцати пяти Мэри подошла к ее столу в пальто.

— Ты слышала босса. Домой.

— Я только сохраню копию.

— Ты уже сохранила три. Роуз подняла голову. Мэри указала на экран.

— Я вижу названия файлов. «Финал», «финал точно»,

«финал финальный не трогать». Роуз прикрыла лицо ладонью.

— Мне нужно больше порядка в жизни.

— Тебе нужно больше сна.

— Сегодня не получится. Я обещала девочкам встретиться. Мэри оживилась.

— О, прекрасно. Иди, выпей что-нибудь, только не кофе.

— Я не собираюсь напиваться.

— Жаль. Иногда это полезно.

— Мэри!

— Что? Я взрослая женщина, я имею право давать плохие советы. Роуз засмеялась, выключила ноутбук и начала собирать вещи, когда она выходила, Этан все еще сидел за своим столом. Он поднял глаза.

— Закончила?

— Да.

— Надеюсь, без ошибок.

— Я тоже надеюсь, что твои данные по поставщикам теперь без ошибок. Он ничего не ответил.

Роуз вышла из офиса и впервые за весь день позволила себе глубоко вдохнуть. Вечерний Нью-Йорк встретил ее светом витрин, шумом машин, запахом дождя и жареного лука из уличной тележки, город был уставшим и живым. Люди торопились, смеялись, ругались по телефону, перепрыгивали через лужи, несли букеты, кофе, ноутбуки, пакеты с ужи-

ном. Роуз любила эти вечера, даже если сил не оставалось. Вечером Нью-Йорк переставал требовать от нее немедленных решений и просто позволял идти среди других таких же уставших людей, у каждого из которых была своя маленькая катастрофа, свой план, свой страх, своя надежда.

Бар, где ее ждали Хлоя и Эвелин, находился в пятнадцати минутах ходьбы от офиса. Небольшое место с теплым светом, деревянными столами и музыкой, которая никогда не мешала разговаривать. Они собирались там почти каждую пятницу, хотя иногда Роуз пропускала встречи из-за работы, а Эвелин — из-за ночных смен. Хлоя уже сидела за столиком у окна и махала ей рукой так энергично, будто Роуз вернулась не с работы, а из кругосветного путешествия.

— Наконец-то! — воскликнула она, когда Роуз подошла. — Мы уже начали думать, что тебя похитили архитектурные чертежи.

— Почти, — сказала Роуз, снимая пальто. Эвелин поднялась, обняла ее крепко и внимательно посмотрела в лицо.

— Ты ужасно выглядишь.

— Спасибо. Сегодня все очень щедры на комплименты.

— Я врач, я имею право.

Эвелин Прайс действительно была врачом — ординатором в городской больнице. Спокойная, собранная, с темным каре, ясными серыми глазами и выражением лица человека, который мог одновременно остановить панику в комнате и объяснить, почему не стоит гуглить симптомы в три часа

ночи. Она редко говорила много, но почти всегда попадала в суть. Хлоя Беннет была ее полной противоположностью. Маркетолог в модном агентстве, рыжеволосая, яркая, громкая, с вечной помадой в сумке и способностью завести разговор с кем угодно — барменом, таксистом, старушкой в очереди, недовольным клиентом или мужчиной, который просто слишком долго смотрел в ее сторону. Хлоя жила так, будто мир был вечеринкой, на которую ее пригласили по ошибке, но она решила остаться и вести себя как хозяйка.

— Так, — сказала Хлоя, когда Роуз села. — У нас важная повестка вечера. Первое: Эвелин спасла ребенка от проглоченной монеты.

— Не спасла, — спокойно сказала Эвелин. — Он ее не проглотил. Он сказал, что проглотил, чтобы не отдавать брату.

— Видишь? Детективная медицина. Второе: я сегодня уволила клиента. Роуз подняла брови.

— Разве маркетологи увольняют клиентов?

— Когда клиент говорит фразу «сделайте нам дорого, но бесплатно», его увольняет сама вселенная. Я просто помогла. Эвелин усмехнулась.

— А третье? Хлоя повернулась к Роуз.

— Третье: наша Роуз должна наконец рассказать, что за таинственная большая презентация, из-за которой она не спит и выглядит как прекрасный призрак офисного труда.

Роуз взяла меню.

— Я выгляжу не так плохо. Хлоя и Эвелин одновременно посмотрели на нее.

— Ладно, — сказала Роуз. — Возможно, немного плохо.

— Компания? — спросила Эвелин.

— Sinclair Development Group. Хлоя присвистнула.

— Ого.

— Ты знаешь их?

— Детка, их знают все, кто хоть раз открывал журнал с красивыми богатыми людьми и зданиями, в которых нам с тобой можно разве что сфотографироваться в холле.

— У них не только премиальные проекты, — автоматически сказала Роуз. — Они занимаются еще реконструкцией исторических зданий, городскими пространствами и... Хлоя медленно улыбнулась.

— Посмотрите на нее.

— Что?

— Она говорит о девелоперской компании голосом женщины, которая влюбилась.

— Я не влюбилась в компанию.

— Пока. Эвелин открыла меню.

— Завтра презентация?

— Да. Приезжает их делегация. Ричард хочет, чтобы я присутствовала.

— Это хорошо, — сказала Эвелин.

— Это страшно.

— Это тоже хорошо. Роуз посмотрела на нее.

— Иногда я забываю, что ты работаешь в больнице и у тебя искаженное понимание слова «хорошо». Эвелин улыбнулась.

— Страшно — значит важно. Хлоя подняла бокал.

— Тогда выпьем за то, чтобы завтра важные богатые люди поняли, какая ты у нас гениальная. Роуз быстро посмотрела на цены в меню.

— Я возьму просто воду и салат. Хлоя сразу нахмурилась.

— Нет.

— Что нет?

— Ты не будешь сидеть с водой после недели, в которой спала на чертежах.

— Я не спала на чертежах.

— Ты сейчас слишком быстро ответила. Роуз вздохнула.

— Я экономлю. Хлоя смягчилась. Эвелин тоже подняла глаза.

— Учеба? — спросила она. Роуз кивнула.

— И мама. Там немного пересчитали платеж по ипотеке.

— Насколько немного? — спросила Хлоя уже совсем другим тоном.

— Неважно.

— Роуз.

— Правда. Я разберусь. Эвелин тихо сказала:

— Мы можем помочь.

— Нет.

— Мы можем хотя бы не заказывать при тебе дорогие коктейли и делать вид, что нам нужна вода, — сказала Хлоя. Роуз рассмеялась.

— Это будет самая грустная пятница в истории.

— Тогда я закажу тебе коктейль сама.

— Хлоя.

— Один, не спорь, считай это инвестицией в твое человеческое состояние.

— Мне завтра нужна ясная голова.

— Тогда легкий.

— Хлоя.

— Роуз. Эвелин закрыла меню.

— Я поддерживаю Хлою.

— Вы ужасные подруги.

— Лучшие, — сказала Хлоя и подозвала официанта.

Роуз сидела между ними, слушала их спор о том, можно ли считать картофель фри полноценным ужином, и постепенно чувствовала, как напряжение дня отпускает хотя бы на пару сантиметров. Они говорили обо всем. О пациенте Эвелин, который пытался флиртовать с ней сразу после наркоза, о начальнице Хлои, которая носила белые костюмы и питалась чужой тревогой, о соседке Роуз, которая каждую субботу в восемь утра пела, причем уверенно, но трагически мимо нот, потом снова о презентации.

— А кто приедет? — спросила Хлоя.

— Не знаю точно. Кто-то из руководства SDG.

— Может, сам Максвелл Синклер? Роуз пожала плечами.

— Вряд ли. Он не ездит на встречи такого уровня лично.

— О, ты уже изучила его привычки?

— Я изучала компанию.

— Конечно. Эвелин посмотрела на Роуз внимательнее.

— А какой он?

— Кто?

— Максвелл Синклер. Роуз задумалась. Она действительно читала о нем. Тридцать шесть лет. Основатель SDG. Один из самых влиятельных девелоперов Нью-Йорка. Редко дает интервью. Не участвует в публичных скандалах. Известен жестким стилем переговоров, пунктуальностью и тем, что лично контролирует ключевые проекты. На фотографиях — высокий мужчина в темных костюмах, с лицом, которое почти не выражало эмоций.

— Закрытый, — сказала Роуз. — Умный. Сложный. Хлоя прищурилась.

— Красивый?

— Я не оценивала.

— Значит, красивый.

— Хлоя.

— Что? Если бы был некрасивый, ты бы сразу сказала: «Не знаю, обычный». Роуз закатила глаза, но улыбнулась.

— Он просто человек, который управляет огромной компанией.

— Все огромные компании управляются людьми, — философски заметила Хлоя. — Некоторые из них даже умеют снимать галстук. Эвелин спокойно отпила воды.

— Хлоя, перестань сводить презентацию к потенциальному роману.

— Я не свожу. Я расширяю перспективы.

— Моя перспектива, — сказала Роуз, — получить контракт, премию и оплатить учебу.

— Скучная перспектива.

— Зато практичная. Хлоя посмотрела на нее с неожиданной нежностью.

— Роуз, ты когда-нибудь разрешаешь себе хотеть чего-то не потому, что это практично? Роуз открыла рот, чтобы ответить и не ответила, потому что вопрос оказался слишком точным. Она могла хотеть повышения, потому что это даст деньги, могла хотеть учебы, потому что это даст карьеру, могла хотеть контракт, потому что это даст премию, могла хотеть новый ноутбук, потому что старый зависал, но просто хотеть — без расчета, без необходимости, без внутренней таблицы расходов и последствий — она давно почти разучилась. Эвелин, как всегда, заметила перемену в ее лице.

— Не отвечай сейчас, — сказала она мягко. — Просто подумай. Хлоя быстро подняла бокал.

— За завтрашний день. Пусть богатые люди будут умными, щедрыми и достаточно впечатленными, чтобы дать Роуз много денег.

— Не мне, — поправила Роуз.

— Пока не тебе. Они чокнулись.

Домой Роуз вернулась почти в десять. Она устала так, что ключ не сразу попал в замок. В квартире было темно и тихо, на кухонном столе все еще лежал утренний стикер, в раковине стояла кружка, на кровати, которую она так и не успела разобрать, ждали бумаги. Роуз сняла туфли прямо у двери и несколько секунд стояла босиком на полу, ей хотелось только лечь, не переодеваться, не умываться. Просто упасть лицом в подушку и проснуться тогда, когда презентация уже будет позади, контракт подписан, учеба оплачена, а жизнь — хотя бы на неделю понятна, но завтра приезжала делегация Sinclair Development Group, а значит, у нее не было права быть просто уставшей. Она включила свет, переоделась в мягкие домашние брюки и старый свитер, собрала волосы в пучок и села за ноутбук. Файл с речью открылся сразу. Роуз перечитала первые строки, открыла финансовую таблицу, проверила цифры, вернулась к речи, в какой-то момент она поймала себя на том, что говорит вслух:

— Наша компания предлагает не просто подрядное решение, а управляемую систему сроков, ресурсов и контроля качества... Она остановилась.

— Господи, звучит как робот. Написала проще, потом еще проще, потом вспомнила слова Ричарда: Не подавай работу так, будто заранее просишь прощения за место за столом. Роуз выпрямилась и начала писать иначе. Не пытаясь зара-

нее спрятаться за формулировками, она писала так, будто действительно имела право завтра сидеть в переговорной и говорить с людьми, чьи фамилии печатали в деловых журналах. Почти в полночь речь была готова, потом она еще полчаса выбирала одежду. Темно-синее платье показалось слишком простым, черные брюки и жакет — слишком привычно, светлая блузка — слишком легко мнется.

В итоге она выбрала графитовый костюм, белый топ и маленькие серьги, которые когда-то подарила мать на день рождения. Аккуратно повесила все на дверцу шкафа, начистила туфли, положила рядом папку, зарядку, блокнот, ручку, запасную ручку, флешку и вторую флешку — потому что доверять технике в день презентации было глупее, чем доверять человеку, который говорит «я быстро». Затем Роуз наконец подошла к кровати, посмотрела на бумаги, вздохнула, собрала половину в стопку, вторая половина осталась на одеяле. Она сказала себе, что ляжет на пять минут, а потом уберет все до конца, пять минут превратились в десять секунд. Роуз уснула почти сразу, на боку, в домашнем свитере, с ладонью на распечатанной речи. Вокруг нее снова лежали документы Sinclair Development Group: таблицы, схемы, планы, заметки, цифры, имена людей, которых она еще не знала. За окном Нью-Йорк мерцал тысячами огней, где-то далеко, в стеклянной башне на Манхэттене, другая компания тоже готовилась к завтрашнему дню, но Роуз этого не знала. Она не знала, что завтрашняя презентация станет не просто важной встречей.

Не знала, что человек, имя которого она произнесла сегодня в баре почти равнодушно, уже через сутки внимательно посмотрит на нее через длинный стол переговорной. Не знала, что после этого ее жизнь начнет медленно, почти незаметно менять направление. Она просто спала среди бумаг.

Глава 2.

Роуз проснулась от звонка телефона. Её вырвал из темноты звонок — настойчивый и слишком громкий для спальни, в которой еще пахло бумагой, остывшим чаем и ночной усталостью. Она вздрогнула так резко, что с груди соскользнул лист. Роуз открыла глаза. Первое, что она увидела, — серый предрассветный потолок, второе — край своей вчерашней речи, лежавшей на подушке рядом с лицом, третье — телефон, мигающий на простыне. Мама. Сердце сразу ударило сильнее. Звонки от матери ранним утром почти никогда не означали ничего страшного. Линда могла позвонить, чтобы напомнить ей взять зонт, или спросить, помнит ли она, что сегодня обещали похолодание, или просто сказать, что не смогла уснуть и подумала о дочери, но все равно, каждый раз, когда телефон звонил слишком рано, Роуз на долю секунды становилась маленькой девочкой, которая просыпается от тревоги, еще не зная, откуда она пришла. Она схватила телефон.

— Мам? Голос прозвучал хрипло, сонно и, как ей показалось, слишком испуганно, на другом конце линии послышался мягкий вздох.

— Роуз? Я тебя разбудила? Роуз села, прижав телефон к уху плечом, и начала одной рукой собирать бумаги с постели, будто мать могла увидеть этот хаос сквозь трубку.

— Нет, — соврала она автоматически. — Я уже почти встала. Что случилось?

— Ничего, милая. Прости. Правда, ничего. Я просто... проснулась и вспомнила, что у тебя сегодня эта важная презентация. Роуз закрыла глаза.

— Мам, ты меня напугала.

— Прости, — тут же сказала Линда, и в ее голосе стало столько вины, что Роуз сразу пожалела о своей резкости. — Я не хотела. Просто подумала, что тебе, наверное, нужна поддержка. Роуз посмотрела на часы. Шесть ноль пять. До будильника оставалось десять минут. На обычный день — почти ничего, на день, когда она должна была предстать перед представителями Sinclair Development Group, — целое состояние.

— Нужна, — сказала она тише. — Просто я сначала подумала, что что-то случилось.

— Нет, нет. Все хорошо. У меня все хорошо. Ипотека не сгорела, дом стоит, я жива, кот соседки снова орет под дверью, значит, мир на месте. Роуз неожиданно улыбнулась.

— У тебя нет кота.

— У меня нет, у соседки есть, но страдаем мы обе. Роуз потерла глаза свободной рукой. Спальня постепенно возвращалась в реальность. На стуле висел подготовленный с вече-

ра графитовый костюм, на дверце шкафа — белый топ, на маленьком столике у кровати лежали серьги, флешка, запасная флешка, зарядка, блокнот, две ручки и стикер с надписью: «Не извиняться за уверенность». Она даже не помнила, когда написала его. Наверное, ночью, после третьего переписывания речи.

— Ты спала? — спросила Линда. Роуз посмотрела на измятые листы в постели.

— Немного.

— Роуз.

— Мам.

— Это не ответ.

— Это максимально честный ответ, который не расстроит тебя до восьми утра. Линда молчала несколько секунд, потом сказала:

— Я знаю, что ты очень старалась. Она быстро отвернулась к окну, хотя в комнате никого не было, и посмотрела на темный прямоугольник стекла. Нью-Йорк за ним еще не был полностью собой, только где-то далеко проехала первая машина, и в соседнем доме загорелось одно окно.

— Очень, — призналась она.

— Тогда, что бы ни случилось, ты уже сделала все, что могла. Роуз усмехнулась, но без веселья.

— Это звучит как фраза, которую говорят перед провалом.

— Нет. Это фраза, которую говорят человеку, который

пытается контролировать вообще все.

— Я не пытаюсь контролировать все.

— Роуз.

— Ладно. Почти все.

— Ты не можешь отвечать за то, как поведут себя люди из этой компании, не можешь отвечать за настроение своего начальника, не можешь отвечать даже за погоду.

— Зато могу отвечать за слайды.

— Вот за слайды и отвечай. Роуз рассмеялась тихо, коротко, почти беззвучно.

— Очень мудро.

— Я мать. Нам положено иногда говорить умные вещи. Она вытянула ноги из-под одеяла и коснулась босыми ступнями пола, пол был холодным. Роуз поморщилась, но не встала сразу.

— Мам?

— Да?

— А если я ошибусь? Линда не ответила сразу. В этой паузе не было пустоты. Роуз знала: мать выбирает слова.

— Тогда справишься, — сказала она наконец. — Ты же всегда так делаешь.

— Иногда я устала все исправлять. Эти слова вырвались сами. На другом конце линии стало тихо, потом Линда сказала:

— Я знаю, милая. И от этого «я знаю» Роуз стало одновременно легче и тяжелее. Она знала, каково это — считать

деньги до следующего платежа, знала, каково это — просыпаться ночью и вспоминать о процентах, счетах, просрочках, письмах из банка, знала, каково это — делать вид, что все под контролем, потому что если ты перестанешь так делать, кто-то рядом испугается еще сильнее. Роуз провела ладонью по волосам.

— Сегодня все должно пройти хорошо.

— Пройдет.

— Ты не знаешь.

— Нет, но я верю в тебя. Это почти то же самое. Роуз улыбнулась.

— Для банка это все еще не аргумент.

— Значит, после презентации ты придешь домой, позвонишь мне и скажешь, что все прошло хорошо, а я сделаю вид, что совсем не волновалась.

— Ты все равно будешь волноваться.

— Конечно. Роуз поднялась с кровати.

— Мне пора собираться.

— Поешь.

— Мам.

— Поешь и не кофе вместо еды.

— Я выпью кофе и съем тост.

— Два тоста.

— Один с половиной.

— Роуз.

— Ладно. Два.

— И надень что-нибудь красивое.

— Я и так подготовила костюм.

— Не слишком строгий? Роуз посмотрела на графитовый жакет.

— Он деловой.

— Ты не обязана выглядеть так, будто идешь защищать диссертацию перед людьми, которые лично изобрели бетон.

— Вообще-то примерно так я себя и чувствую. Линда рас- смеялась.

— Тогда тем более. Выпрями спину, улыбнись и помни, что дорогой костюм на человеке не делает его умнее тебя. Роуз посмотрела на свое отражение в темном стекле окна, сонные глаза, растрепанные волосы, след от подушки на щеке и где-то внутри — страх, упакованный в дисциплину.

— Хорошо, — сказала она. — Я запомню.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, мам. Она сбросила вызов и еще несколько секунд стояла посреди комнаты с телефоном в руке, потом глубоко вдохнула. День начался и, вопреки всему, начался правильно.

Роуз двигалась по квартире с той сосредоточенной точностью, которая появлялась у нее только в важные дни. Не было привычного хаоса, когда она одновременно искала серьгу, кипятила воду, ругалась на зависший ноутбук и вспоминала, где оставила пропуск. Сегодня все лежало на своих местах.

Она убрала документы с кровати, разложила их по пап-

кам, еще раз проверила речь и распечатала чистую копию. Перепечатала титульный лист, потому что вчерашний немного помялся у края. Сложила в сумку флешки, проверила заряд ноутбука, проверила заряд телефона, проверила, закрыла ли окно, проверила сумку еще раз, потому что тревога не верила памяти, потом остановилась перед зеркалом. Графитовый костюм сел хорошо.

Не идеально — идеально сидели костюмы у женщин из журналов, которые могли позволить себе портного и не думать о скидках, но хорошо. Достаточно хорошо, чтобы плечи выглядели ровными, талия — тоньше, а сама Роуз — старше и увереннее. Белый топ смягчал строгость. Маленькие серьги, подаренные матерью, едва заметно блестели у ушей. Волосы она собрала низко, оставив несколько прядей у лица, потом распустила, потом снова собрала — и в конце концов оставила мягкой волной, закрепив с одной стороны невидимкой. Она не хотела выглядеть старше любой ценой.

Она хотела выглядеть человеком, которому можно доверить важный разговор. Макияж занял семь минут : тонкий слой тона, тушь, немного румян, помада спокойного розового оттенка. В зеркале на нее смотрела не та девушка, которая вчера ночью уснула среди бумаг. Роуз взяла стикер со стола и приклеила его внутрь блокнота. Не извиняться за уверенность. Потом тихо сказала:

— Роуз Коллинз и этого достаточно. Она выключила свет, закрыла дверь и вышла в утро, на улице было свежо. Ночной

дождь оставил на асфальте темные пятна, в которых отражались вывески и первые желтые такси. Воздух пах мокрым камнем, хлебом из пекарни за углом и кофе — настоящим, густым, горячим, таким, от которого даже прохожие шли чуть бодрее. Роуз обычно проходила мимо маленькой кофейни на углу. Не потому, что кофе там был плохой, наоборот, он был слишком хороший, а значит, слишком дорогой для повседневной привычки. Она давно научилась считать такие вещи: кофе за шесть долларов, если покупать его каждый рабочий день, превращался в сумму, от которой можно было оплатить учебные материалы за месяц или часть коммунальных платежей матери, но сегодня она остановилась. Посмотрела через стекло на теплый свет внутри, на бариста за стойкой, на ряд свежей выпечки, на людей в пальто, которые держали бумажные стаканы так, будто в них находилась не жидкость, а личная надежда пережить утро и вошла. Колокольчик над дверью звякнул.

— Доброе утро, — сказал бариста.

— Доброе.

— Что будете? Роуз посмотрела на меню, хотя знала, чего хочет.

— Двойной латте. Овсяное молоко. Без сиропа.

— Большой день? — спросил он, выбивая заказ. Она удивленно подняла глаза.

— Это так заметно? Он слегка улыбнулся.

— Вы выглядите как человек, который либо идет на себе-

седование, либо собирается убедить кого-то вложить очень много денег. Роуз впервые за утро рассмеялась по-настоящему.

— Второе ближе.

— Тогда двойной латте — правильный выбор.

Пока он готовил кофе, Роуз стояла у стойки и смотрела, как молоко превращается в гладкую пену, как темная струя эспрессо исчезает под белой поверхностью, как на крышку стакана ставят маленькую наклейку с ее именем. Rose. Она взяла кофе, поблагодарила, вышла на улицу и сделала первый глоток, горячий, мягкий, чуть горький, идеальный.

— Маленькая роскошь, — сказала она себе под нос. — Заслуженная. И пошла к метро.

К офису Richard Hawthorne Construction Роуз подошла на двадцать минут раньше обычного. Здание стояло на своем месте — старое, сероватое, с узкими окнами и маленькой вывеской у входа. После стеклянных башен, о которых она читала в материалах SDG, оно казалось почти скромным. Любила скрипучий лифт, который поднимался с таким видом, будто каждый раз совершал подвиг, любила запах бумаги и кофе, любила то, что в коридоре у бухгалтерии стояло растение, которое все давно считали погибшим, но Мэри продолжала его поливать «из уважения к борьбе», любила старые фотографии завершенных проектов на стенах — небольших домов, реконструкций, офисных зданий, жилых комплексов не из журналов, а из настоящей жизни. Это место не было

глянцевым, но оно было человеческим. Когда Роуз вошла в приемную, Мэри уже была там.

Мэри Эллис никогда не приходила «вовремя». Она приходила раньше, потому что считала, что секретарь, который приходит одновременно с рабочим днем, уже опоздал. Сегодня на ней был темно-зеленый жакет, жемчужные серьги и выражение лица женщины, готовой провести международный саммит, детский утренник и налоговую проверку одновременно.

— О, — сказала Мэри, подняв глаза от планшета. — Вот это другое дело. Роуз остановилась у стойки.

— Что?

— Ты похожа на человека, который может заставить миллионеров подписать что угодно.

— Это комплимент?

— Лучший из возможных в нашем бизнесе. Роуз поставила сумку на стул и сняла пальто. Мэри окинула ее внимательным взглядом.

— Костюм хороший. Волосы хорошие. Лицо немного «я не спала, но вы об этом пожалеете, если спросите». В целом — отлично.

— Спасибо. Наверное.

— Кофе? Роуз подняла стакан.

— Уже. Мэри прищурилась.

— Из кофейни?

— Да.

— Значит, день действительно серьезный.

— Очень. Мэри обошла стойку, взяла стопку блокнотов и кивнула в сторону переговорной.

— Пойдем. Воду уже привезли, кофемашину я проверила, проектор включила, но он на меня посмотрел так, будто сегодня может предать.

— Проектор не может смотреть.

— Этот может. Они вместе вошли в переговорную.

Комната еще не проснулась окончательно: свет был включен только наполовину, за окнами серело утро, длинный стол отражал потолочные лампы, но за полчаса все должно было измениться. Она должна была стать местом, где маленькая компания попытается выглядеть достаточно серьезно для одной из самых крупных девелоперских групп Нью-Йорка. Роуз поставила сумку на стул и сразу начала действовать. Сначала ноутбук — подключить кабель, открыть презентацию, проверить первый слайд, проверить последний, открыть резервную копию, проверить флешку, проверить вторую флешку. Вода — по два стакана на каждого, блокноты, ручки, папки с коммерческим предложением. Она разложила материалы справа от каждого места, потом отошла на шаг и посмотрела.

— Что? — спросила Мэри.

— Слишком близко к краю.

— Роуз.

— Если кто-то потянется за водой, может задеть. Мэри

медленно посмотрела на нее поверх очков.

— Дорогая, если человек из Sinclair Development Group не способен взять стакан воды, не уничтожив папку, возможно, ему нельзя доверять строительство зданий. Роуз улыбнулась, но все равно подвинула папки на два сантиметра. Мэри не стала спорить, она только сказала:

— Знаешь, иногда твоя тревожность приносит пользу.

— Спасибо.

— Но только иногда. Роуз проверила экран еще раз. На нем появился титульный слайд: Commercial Proposal for Sinclair Development Group Richard Hawthorne Construction. Под логотипами компаний все выглядело почти официально. Роуз сжала пальцы на кликере.

— Они приедут в десять?

— В десять ровно, — ответила Мэри. — Их офис подтвердил вчера вечером.

— Кто именно?

— По письму — Дэниел Уорд, Лукас Синклер и представитель проектного отдела. Роуз кивнула. Имя Максвелла Синклера в списке не значилось и это было логично.

Он не ездил лично на такие встречи. Не на первичное обсуждение с небольшой компанией, которая претендовала лишь на часть работ. Такие люди появлялись в финале, когда на столе уже лежали суммы с большим количеством нулей, а не на презентации, которую готовила девушка, уснувшая на финансовой таблице. Эта мысль почему-то успокоила. Дверь

переговорной открылась.

— Почему папки справа? — спросил Этан. Роуз закрыла глаза на одну короткую секунду. Мэри повернулась медленно.

— Доброе утро, Этан, — сказала она тоном, в котором не было ничего доброго.

Этан Брукс вошел в переговорную с выражением человека, которому поручили спасти ситуацию, хотя никто его об этом не просил. На нем был новый темно-синий костюм, слишком блестящие туфли и галстук того оттенка красного, который обычно выбирают мужчины, желающие выглядеть решительно еще до того, как сказали хоть что-то полезное.

— Доброе, — ответил он. — Я просто спрашиваю. По протоколу материалы обычно кладут по центру. Роуз выровняла последнюю папку.

— По центру будет стоять вода. Если папки положить справа, гостям будет удобнее делать пометки и одновременно смотреть на экран.

— Не уверен.

— Зато я уверена. Этан слегка усмехнулся.

— Ты сегодня особенно уверена. Мэри поставила поднос с чашками на столик у стены.

— Она сегодня особенно подготовлена. Это разные вещи. Этан проигнорировал ее и подошел к столу.

— Я бы все-таки переложил. Он потянулся к ближайшей папке. Мэри сказала:

— Не трогай. Он замер.

— Простите?

— Я сказала: не трогай.

— Мэри, я помощник директора.

— А я человек, который видел, как трое помощников директора за свою карьеру роняли кофе на документы, забывали имена гостей и однажды усадили инвестора под кондиционер, хотя у него был бронхит, так что твой титул не производит на меня впечатления. Роуз отвернулась к экрану, чтобы скрыть улыбку. Этан покраснел.

— Я всего лишь пытаюсь помочь.

— Тогда принеси дополнительные стаканы.

— Это не совсем моя обязанность.

— А переставлять папки — совсем не твоя необходимость. В переговорной повисла тишина. Этан посмотрел на Роуз так, будто именно она лично попросила Мэри его унижить.

— Хорошо, — сказал он. — Надеюсь, презентация пройдет лучше, чем подготовка. Роуз повернулась к нему.

— Если у тебя есть конкретные замечания по материалам, я готова их выслушать.

— У меня есть замечание по тому, кто их готовил. Мэри громко поставила чашку на блюдце.

— Этан. В ее голосе впервые прозвучало настоящее предупреждение. Он сжал губы.

— Ладно. Я принесу стаканы. Когда он вышел, Мэри

несколько секунд смотрела на закрытую дверь.

— Этот мальчик однажды споткнется о собственное самомнение. Роуз наконец позволила себе выдохнуть.

— Он просто нервничает.

— Нет, дорогая. Нервничаешь ты, а он завидует. Это разные болезни, и первая лечится подготовкой, а вторая — хорошим жизненным ударом. Роуз не ответила, она не любила говорить об Этане плохо, потому что любое признание его зависти делало ситуацию более реальной. Пока она называла это «сложными отношениями», «напряжением» или «конкуренцией», можно было делать вид, что ничего особенного не происходит, но правда была проще. Этан не любил ее и сегодня, если что-то пойдет не так, он будет первым, кто мысленно откроет шампанское. В девять тридцать пять переговорная была готова, в девять сорок Роуз еще раз проверила речь, в девять сорок пять Мэри принесла свежий кофе для гостей и поставила его на столик, в девять пятьдесят Ричарда все еще не было. Роуз посмотрела на часы, потом на дверь, потом снова на часы.

— Он выехал давно? — спросила она. Мэри подняла глаза от планшета.

— Да.

— Насколько давно?

— Достаточно.

— Мэри.

— Он успеет. Это прозвучало слишком быстро. Роуз по-

чувствовала, как тревога, до этого сидевшая где-то глубоко, поднялась выше.

— Ты ему звонила?

— Писала.

— Он ответил? Мэри ничего не сказала. Роуз положила кликер на стол.

— Мэри. Телефон в ее руке завибрировал раньше, чем секретарь успела ответить, на экране высветилось: Ричард Хоторн. Роуз ответила сразу.

— Ричард?

— Роуз, — его голос был напряженным, а на фоне слышались гудки машин. — Я задерживаюсь. У нее внутри все оборвалось.

— Насколько? — спросила она.

— Не могу сказать. На перекрестке серьезная авария, движение перекрыли. Я пытаюсь объехать через боковые улицы, но там тоже все стоит. Роуз посмотрела на экран презентации, на пустое кресло во главе стола.

— Они приезжают через десять минут.

— Я знаю.

— Ричард...

— Слушай меня. Если я не успею, ты начнешь без меня.

Она застыла.

— Что?

— Ты начнешь презентацию без меня.

— Нет. Слово вырвалось само.

— Роуз.

— Я не могу вести встречу одна.

— Можешь.

— Это Sinclair Development Group.

— Именно поэтому их нельзя заставлять ждать.

— Я ассистент.

— Ты человек, который готовил этот проект месяц.

— Но это ваша встреча.

— А сейчас она станет нашей встречей, только начнешь ее ты. Роуз закрыла глаза. Внутри поднялась паника. Кто сядет во главе стола? Как объяснить отсутствие Ричарда? Что, если они зададут вопрос, на который она не имеет права отвечать? Что, если они воспримут это как неуважение? Что, если Этан будет рядом и все испортит? Что, если она перепутает цифру? Что, если голос дрогнет?

— Я боюсь, — сказала она тихо. На другом конце линии Ричард помолчал, потом его голос стал мягче.

— Знаю. От этого стало почти хуже.

— Это не помогает.

— Тогда слушай то, что поможет. Ты знаешь этот проект лучше всех в офисе, лучше Майкла, лучше Этана. Сейчас, возможно, даже лучше меня, потому что именно ты прожила с этими цифрами последний месяц. Ты не должна изображать из себя генерального директора, ты должна просто рассказать то, что знаешь. Роуз посмотрела на Мэри. Та стояла в дверях переговорной и уже все поняла по ее лицу.

— А если они спросят, почему вас нет?

— Скажешь правду, без оправданий.

— Если они уйдут?

— Значит, они не умеют распознавать хорошую работу.

— Ричард.

— Роуз, — его голос стал тверже. — Ты готова. Просто начни. Я приеду так быстро, как смогу. Она хотела сказать еще что-то, но в трубке раздался чей-то сигнал, шум мотора, потом короткий сбой связи.

— Ричард? Ответа не было. Мэри подошла ближе.

— Он опаздывает? Роуз кивнула.

— Надолго?

— Не знает.

— Черт. Роуз почти автоматически сказала:

— Мэри.

— Что? Иногда это не ругательство, а деловой термин. Роуз положила телефон на стол.

— Он сказал начинать без него. Мэри молчала всего секунду.

— Значит, начнешь.

— Я не готова.

— Неправда.

— Я не готова к этому.

— К этому никто не готов, пока оно не случается. Роуз прижала ладонь к животу.

— Я не Ричард. Они ждут руководителя компании, а не

меня. Мэри подошла вплотную и неожиданно взяла ее за обе руки, ее ладони были теплые и сухие.

— Послушай меня внимательно, девочка моя. Роуз подняла глаза. Мэри редко называла ее так серьезно.

— Я тридцать лет смотрю на людей в переговорах, — сказала она. — На тех, кто приходит с миллионами, на тех, кто приходит с пустыми обещаниями, на тех, кто улыбается, пока ищет слабое место и знаешь, что я поняла?

— Что?

— Большинство из них не страшные. Они просто очень хорошо делают вид, что страшные. Роуз нервно улыбнулась.

— Это должно помочь?

— Да, потому что ты тоже умеешь делать вид.

— Что?

— Делать вид, что спокойна, делать вид, что не устала, делать вид, что тебе не хочется убежать в туалет и запереться там до конца недели.

— Мэри.

— Что? Я же вижу. Роуз почти рассмеялась, но смех застрял где-то в горле. Мэри сжала ее руки крепче.

— Ты выйдешь к ним, поздороваться, проводишь сюда, скажешь, что мистер Хоторн задерживается и присоединится позже, потом начнешь презентацию. Не оправдывайся и не проси прощения за то, что заняла место за столом. Роуз вспомнила стикер в блокноте. Не извиняться за уверенность.

— А если я не справлюсь?

— Справишься.

— Ты не знаешь.

— Знаю. Потому что человек, который не справится, не проверяет флешку трижды и не двигает папки на два сантиметра ради удобства гостей. Роуз закрыла глаза. Где-то в приемной зазвонил телефон. Мэри повернула голову, потом посмотрела на часы. Десять ровно.

— Они здесь, — сказала она. Внутри Роуз снова стало тихо. Она отпустила руки Мэри, поправила край жакета, взяла папку, проверила, не дрожат ли пальцы. Она сжала их чуть крепче.

— Как я выгляжу? — спросила Роуз. Мэри оглядела ее с головы до ног.

— Как человек, которому придется очень дорого заплатить, если ее недооценят. Роуз выдохнула.

— Хорошо.

— Очень хорошо. В приемной снова зазвонил телефон. Мэри выпрямилась, возвращая себе привычное выражение секретаря, способного одной интонацией остановить хаос.

— Иди, — сказала она. — Встречай их. Роуз вышла из переговорной. Коридор до приемной показался длиннее обычного. Каждый шаг отдавался где-то внутри, туфли тихо стучали по полу, в руке лежала папка, на запястье пульс бился слишком быстро, но лицо оставалось спокойным. Она умела это. Умела держать себя так, будто внутри не рушилась

ни одна стена. У стойки ресепшена Мэри уже говорила по телефону:

— Да, конечно. Мисс Коллинз сейчас встретит гостей. Роуз остановилась у двери, ведущей к лифтам. За матовым стеклом мелькнула тень, потом еще одна, потом двери открылись и в приемную вошли трое мужчин. Первым — высокий, темноволосый, в графитовом пальто и безупречно сидящем костюме — вошел человек, которого Роуз видела только на фотографиях в деловых статьях. Максвелл Синклер. На одну короткую секунду весь ее внутренний порядок пошатнулся, потому что фотографии не передавали главного. Они показывали лицо, костюм, фамилию, статус, но не показывали того странного давления, которое появлялось вместе с ним в комнате. Он не делал ничего особенного, ему не нужно было. Он просто вошел — и пространство будто само перестроилось вокруг него. Роуз почувствовала, как сердце снова ударило сильнее, но снаружи только сделала шаг вперед. Так, будто именно этого и ожидала.

— Доброе утро, господа, — сказала она. — Добро пожаловать в Richard Hawthorne Construction. Максвелл Синклер посмотрел на нее и Роуз поняла, что презентация началась еще до того, как она включила первый слайд. Роуз всегда считала, что в деловых встречах самое сложное — это начало. Первые секунды, когда люди еще ничего друг другу не сказали, но уже успели многое решить. Как ты вошел. Как посмотрел. Слишком быстро протянул руку или, наобо-

рот, задержался. Улыбнулся от нервов или не улыбнулся вообще. Занял слишком много места или попытался стать незаметным. Поставил себя ниже, чем нужно, или выше, чем имел право. Роуз замечала такие вещи почти автоматически и сейчас, стоя в приемной маленькой строительной компании перед тремя мужчинами из Sinclair Development Group, она вдруг поняла, насколько сильно эти первые секунды могут изменить все. Максвелл Синклер смотрел на нее спокойно, будто в мире было очень мало вещей, способных выбить его из внутреннего равновесия. Это спокойствие не располагало, не расслабляло. Оно, наоборот, заставляло собраться, выпрямиться и немедленно вспомнить, не забыл ли ты какую-нибудь деталь. Он был выше, чем казался на фотографиях и крупнее. Не массивный, не тяжеловесный, но в нем была та физическая уверенность, которая редко нуждается в демонстрации. Темное пальто сидело на нем так, будто было сшито не по меркам, а по привычке человека получать идеально выполненные вещи. Под пальто — графитовый костюм, белая рубашка, темный галстук без узора. Никаких попыток показать богатство через кричащие детали. На левой руке — часы. Дорогие, конечно. Роуз не разбиралась в марках, но такие вещи не требовали знания логотипов. Они просто существовали с той небрежной уверенностью, с какой существуют предметы, стоимость которых никогда не обсуждают вслух. Лицо у Максвелла было строгим. Резкая линия скул, темные волосы, убранные назад, чуть уста-

лые серо-голубые глаза. Не ледяные — это было бы слишком просто. Скорее внимательные до неприятного. Такие глаза не задерживались на поверхности. Они будто сразу искали систему: связи, слабые места, несоответствия и сейчас они смотрели на Роуз. Она почувствовала, как внутри снова поднимается волна тревоги, но снаружи только улыбнулась. Ровно настолько, насколько требовал деловой этикет.

— Роуз Коллинз, — представилась она. — Личный ассистент мистера Хоторна. Я буду сопровождать вашу встречу. Максвелл протянул руку.

— Максвелл Синклер. Его рукопожатие было коротким и твердым.

— Мистер Синклер, — сказала она. — Признаться, мы не ожидали вашего личного присутствия сегодня. Она произнесла это осторожно, но внутри у нее все еще звучала только одна мысль: он приехал сам. Сам Максвелл Синклер. Человек, чьи интервью разбирали деловые журналы, человек, который управлял проектами, меняющими кварталы Нью-Йорка, человек, чье имя в заголовке статьи автоматически означало: речь идет о деньгах, власти, строительстве и решениях, к которым обычные люди не имеют доступа. Он приехал в их старый офис с лифтом, который дергался между этажами. Макс чуть заметно наклонил голову.

— Сегодня мне было по пути, — сказал он. — Я решил посетить встречу лично. Роуз удержала лицо. Как будто Sinclair Development Group случайно находилась между его

утренним кофе и химчисткой.

— Рады вас видеть, — ответила она. Рядом с Максом стоял мужчина, которого Роуз сразу узнала по фотографиям из внутренних материалов SDG. Лукас Синклер. Младший брат Максвелла. Руководитель строительного направления. Человек, который чаще появлялся на площадках, чем на обложках деловых журналов, хотя журналисты явно предпочли бы второе. Он был чуть ниже Макса, светлее, живее. В нем не было той непроницаемой собранности, из-за которой рядом с Максвеллом хотелось проверить осанку. Лукас смотрел открыто, с любопытством, и улыбался так, будто офис Ричарда Хоторна не разочаровал его, а наоборот, заинтересовал. На нем тоже был костюм, но без той абсолютной строгости, что у брата. Верхняя пуговица пальто была расстегнута, шарф завязан небрежно, волосы слегка растрепаны после улицы. Он выглядел человеком, который умеет вести переговоры в стеклянной переговорной и через час стоять в строительной каске по щиколотку в грязи, ругаясь с подрядчиками на понятном им языке.

— Лукас Синклер, — представился он, пожимая ей руку. — Я отвечаю за строительную часть и, по версии моего брата, слишком часто задаю неудобные вопросы.

— По версии всех, — спокойно сказал Макс. Лукас усмехнулся.

— Видите? Он подтверждает. Роуз невольно улыбнулась.

— Тогда постараюсь быть готовой к неудобным вопросам.

— Это опасная фраза, мисс Коллинз. Я могу воспринять ее как приглашение.

— В таком случае буду считать это частью встречи. Лукас посмотрел на нее внимательнее, но дружелюбно.

— Хорошо. Третий мужчина шагнул вперед последним. Дэниел Уорд. Партнер SDG. Финансовый стратег. Друг Максвелла Синклера. Один из тех людей, о которых писали меньше, чем об основателе компании, но часто упоминали в тех частях статей, где речь шла о переговорах, сделках и суммах, которые заставляли Роуз перечитывать цифры дважды. Дэниел был старше Лукаса и, возможно, чуть старше Макса. В его темных волосах уже появилась легкая седина у висков, но она только добавляла ему спокойной респектабельности. Он не производил впечатления человека, который стремится доминировать в комнате. Скорее наоборот — он умел исчезать из центра внимания, чтобы потом сказать одну фразу и изменить весь ход разговора. Его улыбка была мягче, глаза — теплее, но Роуз почему-то почувствовала: из всех троих именно он, возможно, задаст вопросы, на которые сложнее всего отвечать, потому что Макс проверял на прочность, Лукас — на практичность, а Дэниел, скорее всего, проверял смысл.

— Дэниел Уорд, — сказал он. — Финансовое планирование и инвестиционная стратегия.

— Роуз Коллинз. Очень приятно.

— Взаимно. Его рукопожатие было коротким, но почти

доброжелательным.

Мэри за стойкой наблюдала за всем происходящим с выражением женщины, которая уже мысленно разложила гостей по типам, слабостям и вероятности пить кофе без сахара.

— Господа, — сказала Роуз, слегка отступая в сторону. — Переговорная подготовлена. Если позволите, я провожу вас.

— Конечно, — ответил Дэниел.

— У вас есть кофе? — спросил Лукас, уже двигаясь за ней.

— Да. Кофе, чай, вода.

— Отлично. Макс становится почти терпимым после второй чашки.

— Лукас, — сказал Макс без выражения.

— Что? Я помогаю людям правильно интерпретировать твое молчание. Роуз шла впереди и изо всех сил старалась не улыбнуться слишком заметно. Они вошли в переговорную. Мэри словно материализовалась рядом, чтобы предложить кофе, воду и ту самую тарелку с печеньем, которую утром назвала дипломатическим оружием. Лукас, к ее очевидному удовольствию, взял одно почти сразу.

— Видите? — тихо сказала она Роуз, проходя мимо. — Богатые люди тоже едят печенье. Роуз едва заметно качнула головой, чтобы не рассмеяться.

Макс снял пальто и отдал его Мэри с коротким благодарным кивком. Даже этот жест у него выглядел так, буд-

то он привык принимать заботу как услугу, но не как должное. Мэри, обычно безошибочно определявшая высокомерие, посмотрела на него чуть мягче. Гости заняли места.

Макс сел не во главе стола, как Роуз ожидала, а чуть сбоку — так, чтобы видеть и экран, и ее, и дверь, Лукас устроился рядом, Дэниел открыл блокнот напротив. Пустое кресло Ричарда во главе стола будто сразу стало заметнее. Роуз почувствовала, как взгляд Макса скользнул к нему, разумеется, он заметил. Он, вероятно, заметил даже то, что одна из бутылок воды стояла на полсантиметра ближе к краю, чем остальные. Роуз включила экран. Первый слайд появился сразу. Commercial Proposal for Sinclair Development Group. Она взяла кликер, ладони были сухими, внутри все дрожало.

— Господа, — начала она, — благодарю вас за визит. Мистер Хоторн задерживается из-за дорожной ситуации и присоединится к нам, как только сможет, чтобы не занимать ваше время ожиданием, я начну презентацию. Макс поднял на нее глаза.

— Вы будете вести презентацию? Голос был ровным, вопрос — простой, но Роуз почувствовала скрытую проверку. Желание понять, что перед ним: вынужденная замена или человек, который действительно имеет право говорить.

— Да, мистер Синклер.

— Ваша должность?

— Личный ассистент мистера Хоторна. Лукас перестал крутить ручку в пальцах. Дэниел поднял глаза от блокнота.

Макс помолчал.

— И вы достаточно хорошо знакомы с материалами? В этот момент где-то в глубине Роуз чуть болезненно вспыхнула обида на отсутствие Ричарда, на то, что один и тот же вопрос ей приходилось доказывать снова и снова: достаточно ли она здесь компетентна, чтобы говорить? Но обида могла подождать.

— Да, — сказала она. — Я готовила коммерческое предложение для вашей компании в течение последнего месяца. Все расчеты, структура презентации и сравнительные таблицы проходили через меня. Поэтому, если у вас возникнут вопросы по материалам, я смогу на них ответить. Лукас едва заметно улыбнулся, Дэниел сделал первую пометку, Макс продолжал смотреть на нее еще секунду, потом сказал:

— Начинайте. Роуз нажала на кликер, слайд сменился и мир сузился до экрана, стола, трех мужчин и ее собственного голоса.

— Richard Hawthorne Construction предлагает рассматривать наше участие не как отдельный подрядный блок, а как управляемую систему контроля сроков, качества и взаимодействия с подрядчиками на участке, где для Sinclair Development Group критична не только стоимость, но и предсказуемость исполнения. Первые слова прозвучали чуть суше, чем она хотела, она услышала это, исправила дыхание, следующая фраза вышла увереннее.

— Мы понимаем, что для SDG важен не подрядчик, кото-

рому можно один раз передать задачу, а партнер, способный обеспечить прозрачность процесса на каждом этапе. Именно поэтому в нашем предложении основной акцент сделан не на обещании меньшей цены, а на трех вещах: сокращении временных потерь, контроле качества и прямой коммуникации с руководством проекта. Она переключила слайд, на экране появилась схема. Три блока : логистика, контроль подрядчиков, сроки.

Роуз видела эту схему столько раз, что могла нарисовать ее с закрытыми глазами и это начало ее спасать. Чем дальше она говорила, тем меньше думала о Максвелле Синклере, о его взгляде, о пустом кресле Ричарда, о том, что Этан наверняка стоит где-то за дверью и ждет, когда у нее дрогнет голос. Она думала о проекте, а проект она знала.

— На первом этапе мы предлагаем изменить график поставок, — продолжила она. — Сейчас базовый сценарий предполагает последовательное поступление материалов. Наш вариант позволяет перевести часть поставок в параллельный режим без перегрузки площадки. Лукас наклонился вперед.

— За счет чего? Роуз кивнула. Хороший вопрос, она ждала его.

— За счет уже существующих логистических окон у наших подрядчиков. Мы работаем с ними последние семь лет и знаем, в какие периоды они могут увеличивать объем без задержек. Подробная таблица находится на странице шесть ва-

ших материалов. Лукас открыл папку, Дэниел тоже, Макс не стал. Он продолжал смотреть на нее. Это было почти неприятно. Он смотрел так, будто пытался понять принцип ее работы, как она держит паузу, как отвечает.

— Вы утверждаете, что можете сократить сроки на одиннадцать процентов, — сказал Лукас. — Для компании вашего масштаба это достаточно смелое заявление.

— Согласна.

— Обычно, когда подрядчик обещает сократить сроки, он либо просит больше денег, либо потом просит больше времени. Роуз позволила себе легкую улыбку.

— Именно поэтому мы не просим ориентироваться только на обещание. На следующем слайде указано, за счет чего достигается сокращение. Она нажала кликер и увидела ошибку, на экране появилась диаграмма, старая, не финальная. Та, где сроки по логистике были рассчитаны до повторной проверки подрядчиков, та, которую она вчера заменила, та, которую не должно было быть в презентации. Она точно сохраняла финальную версию, в резервном файле. Как эта диаграмма оказалась на слайде? Макс чуть прищурился, Дэниел уже смотрел на цифры, Лукас переводил взгляд с экрана на папку. Ошибка была видна, не всем, возможно, но тем, кто разбирался, — точно. Роуз могла сделать вид, что ничего не заметила, могла быстро проговорить и уйти дальше. Вместо этого она сделала шаг к столу, взяла папку, открыла нужную страницу и положила ладонь на финальную

таблицу.

— Прошу обратить внимание, — сказала она ровно, — что на экране сейчас отображается предварительная версия диаграммы. В печатных материалах указаны финальные расчеты после повторной проверки логистических окон. Она услышала собственный голос, спокойный.

— Я не буду тратить ваше время на визуализацию, которая уже была заменена. Корректные данные находятся на странице шесть. Экономия составляет четыре дня на первом этапе, семь дней на втором и три дня за счет согласованных поставочных окон. Она нажала на кликер и перешла к следующему слайду.

— Именно эти цифры учтены в итоговом графике. Лукас первым посмотрел на нее иначе, не просто с интересом, с уважением к скорости реакции. Дэниел сделал пометку, Макс впервые взял ручку.

— Вы заметили расхождение сразу, — сказал он.

— Да.

— И остановили презентацию.

— Я уточнила данные.

— Многие предпочли бы не привлекать внимание к ошибке. Роуз встретила его взгляд.

— Ошибка становится проблемой не в тот момент, когда она появляется, а в тот момент, когда ее пытаются скрыть. Макс смотрел на нее несколько секунд, потом едва заметно кивнул.

— Продолжайте. После ошибки вопросы стали жестче или ей так казалось. Дэниел спросил о финансовой целесообразности их предложения в сравнении с крупными подрядчиками. Роуз ответила через структуру контроля и снижение операционных потерь. Лукас спросил, как маленькая компания будет справляться с объемом, если один из ключевых подрядчиков выпадет из графика. Роуз открыла резервный план, который добавила ночью почти из упрямства, и показала два варианта замены. Макс молчал дольше всех, он слушал, иногда смотрел на экран, иногда — в документы, чаще — на нее, потом задал вопрос, которого она ждала и боялась больше всего.

— Почему SDG должна выбрать вас? Роуз остановилась. Она понимала: общие фразы здесь не пройдут. Макс сидел почти неподвижно, ручка лежала между пальцами, взгляд был спокойный и прямой.

— У вас нет ресурсов крупной компании, — продолжил он. — Нет такого количества персонала. Нет финансовой подушки, сопоставимой с подрядчиками, которые уже делали проекты нашего масштаба. Ваше предложение не самое выгодное по цифрам. Так почему мы должны рассматривать его всерьез? Вопрос мог звучать унижительно. Роуз медленно положила кликер на стол.

— Потому что размер компании не всегда равен качеству вовлеченности, — сказала она. — Для крупного подрядчика ваш проект будет одним из нескольких важных. Для

нас — главным. Вы получите прямой доступ к руководству, быстрые решения и команду, которой невыгодно работать посредственно, потому что для нас этот проект не просто контракт. Это возможность доказать, что мы можем соответствовать уровню SDG. Лукас смотрел на нее уже почти с удовольствием. Дэниел чуть склонил голову, словно оценивал не слова, а то, как она их выбрала. Макс не улыбнулся.

— Это признание слабости.

— Нет, мистер Синклер. Это признание масштаба. В комнате снова стало тихо. Роуз чувствовала, что стоит на краю, но уже не могла отступить.

— Мы не делаем вид, что больше, чем есть, — продолжила она. — Это было бы глупо и опасно для вас. Мы показываем, чем именно наш размер может быть полезен. Гибкость, прямая коммуникация, быстрое принятие решений, личная ответственность руководства. Если вам нужен подрядчик, который просто добавит ваш проект в список текущих задач, мы не лучший вариант. Если вам нужен партнер, для которого этот участок станет приоритетом, наше предложение заслуживает рассмотрения. Она закончила. Макс медленно закрыл папку, звук был негромким, но для Роуз он прозвучал слишком отчетливо, потом он положил ручку на стол.

— Достаточно, — сказал он. Роуз замерла.

— Простите?

— Мне достаточно того, что я услышал. Внутри что-то

оборвалось. Просто вся конструкция, которую она держала с шести утра, на секунду потеряла опору. Он не дослушал, не дождался финального блока, не посмотрел последнюю часть предложения. Просто остановил. Все потеряно. Кофе, который она купила себе как маленький праздник, слова Ричарда, стикер в блокноте — всё это вдруг стало почти смешным. Роуз заставила себя не опустить глаза.

— Разумеется, мистер Синклер. Ее голос не дрогнул. Это было единственное, чем она могла сейчас гордиться. Лукас посмотрел на Макса с выражением, которое Роуз не смогла прочитать. Дэниел закрыл блокнот, но не торопился вставать. Макс поднялся первым.

— Мы изучим материалы и сообщим решение. Роуз кивнула.

— Спасибо за уделенное время. В этот момент дверь переговорной распахнулась.

— Господа, — раздался голос Ричарда Хоторна.

Он вошел быстро, почти влетел, тяжело дыша, без пальто, с растрепанными от ветра седыми волосами и лицом человека, который за последние сорок минут успел проклясть городскую инфраструктуру, собственное расписание и, вероятно, несколько поколений водителей подряд.

— Прошу прощения. Искренне прошу прощения за задержку. На перекрестке произошла серьезная авария, движение полностью перекрыли. Я пытался объехать через

Тридцать девятую, потом через... Он осекся, потому что увидел закрытые папки, увидел, что гости встают, увидел Роуз у экрана. Роуз увидела, как в его лице мелькнула вина.

— Я опоздал, — сказал он уже тише. Макс повернулся к нему.

— Мистер Хоторн. Ричард подошел к столу.

— Мистер Синклер. Еще раз прошу прощения. Это недопустимо. Я понимаю.

— Мисс Коллинз провела презентацию, — сказал Макс. Ричард взглянул на Роуз. В его глазах было столько вопросов, что она не смогла ответить ни на один.

— Я рад, что она смогла начать, — произнес он. — Но это не отменяет моей ответственности.

— Не отменяет, — согласился Макс. Лукас перестал улыбаться, Дэниел смотрел на Ричарда спокойно, но внимательно, Макс говорил без раздражения.

— Обстоятельства бывают разными, — сказал он. — Аварии, пробки, перекрытые улицы. Я это понимаю, но если на кону важная встреча, человек, отвечающий за проект, должен показать партнерам свое лицо. Если нужно — выйти из машины и пройти пешком. Ричард не стал оправдываться. Роуз знала, что ему было что сказать, что авария действительно перекрыла движение, что он выехал заранее, что не всегда можно предугадать город, в котором одна полоса способна остановить квартал, но Ричард только кивнул.

— Вы правы. Роуз почувствовала, как внутри нее вспых-

нуло негодование, не к Максy даже, к несправедливости.

Ричард был хорошим человеком, хорошим начальником, тем, кто доверил ей место у стола, когда другие предпочли бы держать ассистента за дверь. Он не заслуживал, чтобы его отчитали в собственной переговорной, но другая часть Роуз — та, что провела месяц над предложением, — понимала: Макс тоже был прав. В бизнесе никто не обязан разбираться, почему ты не пришел вовремя. Они видят только факт, а факт сегодня был против Ричарда.

— Мы изучим ваше предложение, — продолжил Макс, — и сообщим решение в ближайшее время. Ричард протянул руку.

— Благодарю вас за визит. И еще раз прошу принять мои извинения. Макс пожал его руку.

— Спасибо за материалы. Потом его взгляд переместился к Роуз.

— И за презентацию. Эти слова могли быть похвалой, но прозвучали так нейтрально, что Роуз не поняла, стало ли ей от них легче.

— Благодарю, — сказала она. Дэниел тоже пожал руку Ричарду.

— Мы свяжемся с вами. Лукас задержался на секунду рядом с Роуз.

— Вы хорошо держались, мисс Коллинз, — сказал он негромко. Она заставила себя улыбнуться.

— Спасибо. Это «хорошо держались» почему-то почти

добило, потому что люди так говорят тем, кто проиграл достойно. Она проводила их к выходу вместе с Ричардом.

Мэри стояла за стойкой, держа в руках планшет, но глаза у нее были прикованы к Роуз. Этан появился у дальнего края приемной — слишком быстро, с тем выражением плохо скрытого любопытства, которое выдает человека, надеющегося на чужую неудачу. У лифта Ричард снова принес извинения. Дэниел ответил вежливо, Лукас сказал что-то нейтральное про нью-йоркские пробки, Макс молчал. Пока двери лифта не открылись, гости начали заходить. Дэниел первым, Лукас за ним, Макс задержался последним и вдруг повернулся к Роуз.

— Мисс Коллинз. Она подняла глаза.

— Да, мистер Синклер? Он посмотрел на нее с тем же спокойным вниманием, от которого снова хотелось проверить, ровно ли она стоит.

— Сколько вы здесь получаете? Вопрос был настолько неожиданным, что на одно мгновение все вокруг будто остановилось. Мэри за стойкой перестала двигаться. Ричард чуть повернул голову. Лукас, уже в лифте, поднял брови. Дэниел посмотрел на Макса так, словно тот сделал ход, которого даже он не ожидал. А Роуз просто смотрела на Максвелла Синклера, пытаясь понять, действительно ли он только что спросил это. Сначала внутри поднялось смущение, потом — злость, но злость была опасной роскошью. Она могла сделать голос резким, а Роуз не хотела дарить ему резкость. Она

сделала короткий вдох и ответила так спокойно, как только могла:

— Простите, мистер Синклер, но я не обсуждаю размер своей заработной платы с представителями других компаний. Макс не отвел взгляда.

— Даже если вопрос связан с возможным профессиональным интересом?

— Особенно тогда. Слова вышли сами и, произнеся их, Роуз вдруг почувствовала, что впервые за весь день стоит на ногах по-настоящему. Макс чуть приподнял бровь. Роуз продолжила:

— Уверена, вам бы тоже не понравилось, если бы сотрудники Sinclair Development Group разглашали партнерам или потенциальным подрядчикам условия своей оплаты. Это внутренняя информация компании и моя личная тоже. Тишина длилась всего несколько секунд, но эти секунды показались длиннее всей презентации. Максвелл Синклер смотрел на нее и затем улыбнулся.

— Справедливо, — сказал он. Роуз склонила голову.

— Благодарю за понимание.

— Хорошего дня, мисс Коллинз.

— Хорошего дня, мистер Синклер. Он вошел в лифт, двери закрылись и только когда серебристые створки сомкнулись окончательно, Роуз поняла, что все это время почти не дышала. Мэри медленно подошла ближе.

— Что это, во имя всех моих тридцати лет работы, сейчас

было? Роуз продолжала смотреть на двери лифта.

— Я не знаю.

— Он спросил твою зарплату?

— Да.

— При Ричарде?

— Да.

— Богатые люди иногда ведут себя так, будто обычные правила этикета им доставляют отдельно на заказ и они забывают распаковать коробку. Роуз попыталась улыбнуться. Ричард стоял рядом и выглядел так, будто хотел сказать сразу несколько вещей, но не мог выбрать, какую первой.

— Роуз, — начал он. Она повернулась к нему.

— Я вернусь в переговорную. Нужно собрать материалы.

— Мы поговорим.

— Да. Она кивнула и пошла обратно по коридору. Спина оставалась прямой, шаги — ровными, лицо — спокойным, но внутри все было пусто. Так бывает после большого напряжения, когда человек еще держится из привычки, хотя опора уже исчезла. Презентация закончилась, решения не было, Ричард опоздал, Максвелл Синклер ушел слишком рано, а потом задал вопрос, который почему-то задел ее сильнее, чем все его деловые замечания.

Роуз вошла в переговорную. На столе все еще стояли стаканы с водой, один из них был почти нетронут, на тарелке осталось два печенья. Папки лежали чуть сдвинутыми. Экран все еще показывал последний слайд, до которого они

так и не дошли. Роуз взяла кликер и выключила презентацию. Она подошла к столу, начала собирать материалы и только тогда заметила, что ее пальцы слегка дрожат. Она сжала бумаги крепче, не сейчас, плакать она не будет, не здесь. Роуз собрала папки в одну стопку, потом вторую, потом остановилась и посмотрела на пустое кресло Ричарда. Еще утром ей казалось, что главное — чтобы этот день прошел по плану, но где-то внизу, под усталостью и разочарованием, оставалось странное ощущение.

В лифте никто не заговорил сразу. Это было не то молчание, которое возникает после обычной деловой встречи, когда каждый мысленно проверяет записи, вспоминает цифры и уже переключается на следующий пункт календаря. В этом молчании было что-то другое — короткая пауза после неожиданного хода, который еще не успели обсудить, но уже заметили все.

Лукас Синклер стоял у зеркальной стены лифта, засунув одну руку в карман пальто. На лице у него была та самая улыбка, которую Макс знал слишком хорошо: младший брат собирался что-то сказать и специально ждал, пока станет невозможно игнорировать его молчание.

Дэниел Уорд смотрел на закрытые двери лифта и, казалось, думал о чем-то своем, но Макс знал Дэниела пятнадцать лет, когда тот выглядел особенно спокойным, это почти всегда означало, что он уже сложил в голове несколько выводов и выбирает, какой из них стоит озвучить первым.

Макс молчал. Он не любил объяснять вопросы, которые задавал осознанно, а вопрос о зарплате был осознанным.

Двери лифта открылись на первом этаже. Они вышли в холл старого здания. Сквозь стеклянные двери был виден серый нью-йоркский день, плотное движение, люди под зонтиками и черный автомобиль SDG у тротуара. Водитель сразу выпрямился, заметив их. Лукас выдержал ровно до выхода на улицу.

— Ты только что спросил у ассистентки, сколько она получает, — сказал он. Макс застегнул пальто.

— Я в курсе.

— При ее начальнике.

— Да.

— После того, как практически отчитал ее начальника за опоздание.

— Я не отчитывал. Я обозначил позицию. Лукас посмотрел на Дэниела.

— Видишь? В его мире это называется «обозначить позицию». В моем — заставить взрослого мужчину почувствовать себя школьником, который забыл домашнее задание. Дэниел едва заметно улыбнулся.

— Формально Макс был прав.

— Формально Макс почти всегда прав. В этом и проблема. Макс открыл дверцу машины и сел первым.

Салон был теплым, тихим, с тем особым запахом дорогой кожи и едва уловимого древесного аромата, который води-

тель почему-то считал «нейтральным». Дверь закрылась, отрезав шум улицы. Через секунду рядом сел Лукас, напротив — Дэниел. Машина мягко тронулась от тротуара.

Некоторое время они ехали молча. За окном старый район постепенно сменялся более строгими фасадами, широкими улицами, деловыми кварталами, где люди двигались быстрее и смотрели реже по сторонам. Нью-Йорк был городом, в котором богатство никогда не скрывалось полностью, но умело притворялось архитектурой, историей, вкусом и доступом. Лукас снова первым нарушил тишину.

— Ты ее спугнешь. Макс повернул голову.

— Кого?

— Не делай вид, что не понял. Роуз Коллинз. Дэниел поднял глаза от папки.

— Лукас, боюсь, она не выглядит человеком, которого легко спугнуть.

— Не легко, — согласился Лукас. — Но если продолжать задавать вопросы в стиле «сколько вы стоите на рынке труда», даже самые устойчивые люди начинают искать ближайший выход. Макс посмотрел в окно.

— Она не ответила.

— Конечно не ответила, потому что у нее есть чувство собственного достоинства.

— И лояльность к компании, — добавил Дэниел.

— И мозг, — сказал Лукас. — Что, возможно, тоже важно. Макс не ответил.

Перед глазами почему-то снова возникла приемная старого офиса. Серый свет, стойка секретаря, Ричард Хоторн с виноватым лицом и Роуз Коллинз, стоящая у лифта слишком прямо для человека, который только что, вероятно, считал презентацию проваленной. Другой человек мог бы смутиться, начать оправдываться, сказать, что не имеет права отвечать, посмеяться, чтобы сгладить неловкость или, наоборот, обидеться и резко поставить его на место. Роуз не сделала ни того, ни другого, она просто обозначила границу. Макс ценил границы. Не потому, что уважал их безоговорочно, с этим у него как раз были сложности, а потому, что человек без границ в большой компании рано или поздно становился проблемой: слишком легко поддавался давлению, слишком быстро начинал угождать, слишком часто путал лояльность с бесхарактерностью.

У Роуз Коллинз характер был, это он увидел сразу, еще до ответа о зарплате, еще в тот момент, когда она признала ошибку на слайде. Макс снова вспомнил презентацию. Ни паники, ни попытки спрятать несоответствие. Она не стала торопливо щелкать дальше, не залилась краской, не стала обвинять технику, не произнесла ничего похожего на «простите, сейчас разберемся». Она сделала ровно то, что должен делать человек, отвечающий за процесс: остановила, уточнила, дала корректные данные и пошла дальше.

— По предложению, — сказал Дэниел, открывая папку на финансовом блоке. — Если отбросить драму с опозданием,

их материалы неплохие.

— Неплохие, — повторил Лукас. — Ты щедр сегодня.

— Я точен.

— Нет, точен обычно Макс. Ты сегодня почти доброжелателен. Дэниел не обратил внимания.

— Финансово они нам не дают лучшего варианта. Не худшего, но точно не лучшего, риски умеренные, малый штат, зависимость от нескольких подрядчиков, ограниченная подушка, но структура контроля продумана.

— Потому что ее продумала она, — сказал Лукас. Макс посмотрел на него.

— Ты не знаешь.

— А ты знаешь? Макс молчал. Лукас усмехнулся.

— Вот. Мы оба делаем выводы по сорокаминутной встрече. Разница только в том, что я хотя бы признаю, что мне понравилась ассистентка, а ты притворяешься, что это был исключительно профессиональный интерес. Дэниел закрыл папку и посмотрел на Макса чуть внимательнее.

— Ты рассматриваешь ее для SDG? Макс не ответил.

Машина остановилась на светофоре. За окном женщина в бежевом пальто переходила улицу, прижимая к груди папку с документами. В руках у нее был бумажный стакан кофе, над которым поднимался пар. На секунду это напомнило Роуз — не внешне, а самым жестом: держать сразу слишком много и делать вид, что все под контролем.

— Я рассматриваю информацию, — сказал Макс. Лукас

откинулся на спинку сиденья.

— О господи. Он заинтересовался.

— Я не сказал этого.

— Ты сказал хуже. Ты сказал «информацию». Значит, через час Марк Донован будет знать, где она училась, у кого снимала квартиру и сколько раз опаздывала на работу в прошлом году. Макс достал телефон. Дэниел чуть заметно покачал головой, но не стал вмешиваться.

— Марк, — сказал Макс, когда вызов соединился. Ответ прозвучал почти сразу.

— Донован. У Марка Донована был голос человека, который не тратит слова на приветствия, если в них нет практической необходимости.

— Мне нужна официальная проверка одного человека, — сказал Макс. Лукас беззвучно развел руками, будто говорил: я же сказал.

— Имя? — спросил Донован.

— Роуз Коллинз. Личный ассистент Ричарда Хоторна. Компания Richard Hawthorne Construction.

— Глубина проверки?

— Только официальные источники. Образование, предыдущие места работы, репутационные риски, рекомендации, если доступны. Финансовые риски — только открытые и законные данные. Никакого вмешательства в личную жизнь. Никаких неофициальных методов.

— Срок?

— Завтра утром.

— Принято. Макс сбросил вызов. В машине снова стало тихо. Лукас смотрел на брата с почти веселым недоумением.

— Тебе иногда стоит слышать себя со стороны.

— Мне хватает того, что я слышу тебя.

— Вот именно. Я твой моральный баланс.

— Ты мой шумовой фон. Дэниел улыбнулся краем губ.

— Она действительно произвела впечатление. Макс убрал телефон в карман.

— Она не потеряла контроль в ситуации, где многие потеряли бы.

— И это достаточно для проверки?

— Нет.

— А что достаточно? — спросил Дэниел. Макс посмотрел на него.

— То, что она не пыталась понравиться. На этот раз Лукас не пошутил.

Главный офис Sinclair Development Group занимал верхние этажи стеклянной башни на Манхэттене. Здание было не самым высоким в городе, но одним из тех, на которые люди все равно обращали внимание. Оно было строгим, вертикальным, с темными стеклянными плоскостями, которые днем отражали город, а вечером превращались в огромную шахматную доску из света. SDG не любила случайных решений и это чувствовалось сразу.

В холле не было вычурной роскоши, золотых деталей, огромных люстр или бессмысленных скульптур, которые ставят только для того, чтобы показать: здесь есть деньги. Вместо этого — темный камень пола, мягкий свет, ровные линии, стойка ресепшена из дерева и металла, живая зелень в высоких матовых вазах и серебристые буквы на стене: Sinclair Development Group. Под ними — короткая фраза: We build places people return to. Поуз, если бы оказалась здесь, наверняка остановилась бы на секунду и прочла ее дважды. Макс же проходил мимо этой стены каждый день, но не переставал видеть. Он сам утвердил эту фразу семь лет назад, когда маркетинговый отдел принес ему десять вариантов слоганов, один другого громче. «Building tomorrow». «Shaping skylines». «Creating urban excellence». Все вышеперечисленное звучало правильно, дорого и мертво. Макс тогда вычеркнул все и написал на листе: We build places people return to. Мы строим места, куда люди возвращаются. Для него строительство никогда не было только вопросом бетона, стали, стекла и прибыли. Прибыль была необходима, сроки — обязательны, контракты — жестоки. Но в конце любой таблицы, любого тендера, любого архитектурного макета стояла простая вещь: однажды кто-то откроет дверь квартиры, которую они построили, поставит сумки на пол, включит свет и назовет это место домом. Макс не говорил об этом часто. Люди слишком быстро превращали искренние вещи в корпоративные цитаты, но именно это удерживало его от желания

строить просто дороже, выше и быстрее.

Он вошел в лифт, ведущий на сорок восьмой этаж. Лукас все еще печатал что-то в телефоне, Дэниел проверял сообщения, когда двери открылись, перед ними возник офис SDG.

Здесь никто не суетился, но все двигались так, будто время имело цену. Ассистенты проходили по коридорам с планшетами, менеджеры обсуждали планы, на больших экранах в открытой зоне сменялись графики проектов и календарные отметки. У одной стены стоял макет нового жилого комплекса Hudson Heights — еще не реализованный, но уже обсуждаемый в деловой прессе как один из самых амбициозных проектов ближайших лет. Рядом с макетом остановилась группа архитекторов, один показывал что-то на северной части участка, другой спорил, третий молчал, и по выражению его лица было понятно: спор уже проигран, просто он еще об этом не сообщил. Макс прошел через офис, сотрудники здоровались с ним коротко.

— Мистер Синклер.

— Доброе утро, мистер Синклер.

— Максвелл. Он кивал. Иногда останавливался на секунду, чтобы уточнить деталь.

— Отчет по Hudson Heights у меня на столе до трех.

— Да, мистер Синклер.

— Перенесите встречу с юристами на четыре тридцать.

— Уже сделано.

— Кто согласовал изменение по фасаду?

— Ноа.

— Тогда пусть Ноа объяснит мне это лично. Никто не воспринимал его тон как грубость. В SDG давно знали: Макс не повышает голос, не устраивает показательных разносов и не унижает сотрудников. Он просто спрашивает так, что становится ясно — ответ должен существовать. У кабинета его уже ждала Оливия Грант. HR-директор SDG выглядела так, будто понятие «неподготовленность» вызывало у нее профессиональную аллергию. Высокая, собранная, с темными волосами, уложенными в гладкий низкий пучок, в кремовой блузке и темных брюках, она держала планшет в руке как оружие, которым, при необходимости, могла вскрыть не только кадровую структуру, но и чужую самооценку. Оливия работала в компании почти восемь лет. Она пришла, когда SDG уже переставала быть молодой амбициозной фирмой и превращалась в организацию, где талантливые люди могли сгореть за полгода, если не создать систему. Именно Оливия выстроила кадровую политику, из-за которой сотрудники SDG жаловались на нагрузку, но редко уходили. Здесь платили выше рынка, не терпели интриг в открытую, увольняли за подлость быстрее, чем за ошибку, и продвигали тех, кто действительно умел работать. Макс доверял Оливии, а Оливия была одной из немногих, кто не боялся говорить ему неприятные вещи.

— У вас перенесена встреча с финансовым отделом, —

сказала она без приветствия. — Дэниел подтвердил. Ноа ждет вас в малой переговорной через двадцать минут и Грэм просил пять минут до обеда.

— Что у Грэма?

— Если он не сказал вам, значит, хочет сказать лично.

— Это редко бывает хорошим знаком.

— С адвокатами иначе не бывает. Лукас прошел мимо.

— Оливия, скажи честно, ты хоть иногда радуешься людям?

— Профессионально — да. Эмоционально — выборочно.

— Я в списке?

— В приложении. Дэниел тихо усмехнулся и ушел к своему кабинету. Макс остановился у двери.

— Оливия. Она подняла глаза.

— Да?

— Какие административные позиции у нас открыты?

Оливия не сразу ответила и это уже было ответом.

— В каком подразделении?

— У меня. Она медленно моргнула.

— У вас нет открытых позиций.

— Проверьте.

— Я проверяла утром. У вас нет открытых позиций.

— Ассистент генерального директора, проектная координация, возможно, операционный блок. Оливия несколько секунд смотрела на него.

— Максвелл. Она редко называла его полным именем.

Лукас, уже почти скрывшийся за углом, услышал это и тут же остановился.

— О, — сказал он. — Сейчас будет интересно.

— Иди работать, — сказал Макс.

— Я вдохновляюсь кадровой политикой. Оливия даже не посмотрела на Лукаса.

— У вас уже есть ассистент.

— Временный.

— Которого вы сами одобрили на три месяца.

— И которого я не планирую оставлять дольше.

— Потому что он дважды перепутал ваши встречи?

— Трижды.

— Третья была по вине календаря.

— Календарь не виноват, если им пользуется человек без внимания к деталям. Оливия сделала пометку в планшете.

— Допустим, но даже если мы заменим ассистента, отдельной позиции под проектную координацию в вашем блоке нет.

— Создайте. Теперь она смотрела на него без тени улыбки.

— На основании чего?

— На основании потребности.

— Чьей?

— Компании.

— Или вашей? Лукас тихо присвистнул. Макс бросил на него взгляд.

— Я действительно пойду работать, — сказал Лукас, но не ушел. Оливия продолжила:

— Я не против новых позиций, если они обоснованы, но вы знаете мое правило. В SDG не создаются должности под человека. Создается функция, а потом под нее ищется лучший кандидат.

— Значит, опишите функцию.

— Для этого мне нужно понимать, о ком мы говорим. Макс помолчал. Оливия ждала. Она умела ждать лучше большинства юристов.

— Роуз Коллинз, — сказал он. — Личный ассистент Ричарда Хоторна. Лукас улыбнулся.

— А вот и она. Оливия повернула голову к нему.

— Вы все еще здесь?

— Уже ухожу. На этот раз он действительно ушел, но по его походке было ясно, что мысленно он остался слушать. Оливия снова посмотрела на Макса.

— Опыт?

— Небольшая строительная компания. Ассистент руководителя. Вероятно, занимается шире своей должности.

— «Вероятно»?

— Марк проверяет.

— Вы уже подключили безопасность?

— Официальная проверка. Оливия медленно вздохнула.

— Вы встретили ее сегодня?

— Да.

— И уже рассматриваете переход в SDG?

— Я рассматриваю возможность.

— Почему?

— Она удержала презентацию после отсутствия руководителя, — сказал он. — Заметила ошибку в материалах и корректно обработала ее перед потенциальными партнерами, отвечала на вопросы без попытки уклониться, не стала разглашать конфиденциальные условия оплаты, когда я спросил. Оливия подняла бровь.

— Вы спросили ее зарплату?

— Да.

— При ее работодателе?

— Да.

— Это было намеренно?

— Разумеется.

— Максвелл, иногда я понимаю, почему люди считают вас сложным.

— Только иногда?

— В остальное время я занята последствиями. Оливия сделала еще одну пометку.

— Ладно. Я посмотрю структуру, но заранее говорю: лишних должностей нет. Если мы будем ее рассматривать, то только через реальную функцию и полноценную оценку. Я не возьму человека в SDG потому, что он произвел впечатление на встрече.

— Я и не прошу.

— Хорошо. Она остановилась, потом добавила:

— Но вы уже знаете, что я проверю ее жестче, чем обычного кандидата?

— Знаю.

— И если она не подойдет?

— Тогда она не подойдет. Оливия смотрела на него еще секунду.

— Убедительно. Она ушла. Макс открыл дверь кабинета, но не вошел сразу.

За стеклянной стеной офиса двигались люди, светились экраны, обсуждались проекты. Это был механизм, который он строил годами : большой, сложный, сильный. Но любой механизм зависел от деталей. От людей, которые видели то, что другие пропускали, от тех, кто не прятал ошибки, от тех, кто не продавал лояльность за вопрос о деньгах. Порой такие люди находились в самых неожиданных местах.

Даже в маленьком офисе с усталым начальником, слишком внимательной секретаршей и ассистенткой, которая держала спину прямой, когда наверняка хотела исчезнуть.

Малая переговорная SDG была совсем не похожа на комнату, где утром Роуз проводила презентацию. Здесь не было тяжелого стола с чуть стертым краем, старого проектора, капризного света и запаха кофе, который Мэри готовила «для боевого духа». Здесь все было точным: матовое стекло, встроенные экраны, сенсорная панель управления, круглый

стол на восемь человек, кресла, в которых невозможно было сидеть некрасиво, и панорамное окно с видом на Манхэттен. Ноа Салливан уже был там. Он стоял у экрана с планшетом в руках. Вернее, с чужим планшетом. Макс понял это сразу, потому что на чехле было написано имя одного из младших архитекторов.

— Это не твой планшет, — сказал Лукас, входя следом. Ноа даже не обернулся.

— Теперь мой. Временно.

— Ты потерял свой?

— Я предпочитаю термин «изменил местоположение без уведомления владельца».

— То есть потерял. Ноа повернулся. Ему было тридцать четыре, но иногда он выглядел как человек, которому одновременно двадцать семь и сорок пять. Худощавый, высокий, с темными волосами, которые редко лежали так, как предполагала парикмахерская, и с лицом, оживавшим только в двух случаях: когда речь заходила об архитектуре или когда кто-то предлагал плохое архитектурное решение. В остальное время Ноа казался немного рассеянным, почти мягким, это обманывало многих. До первой встречи, где он мог за десять минут разобрать проект так, что от него оставались только стыд, молчание и необходимость начинать заново.

— Мы обсуждаем Хоторна? — спросил Ноа.

— Да, — сказал Макс, садясь во главе стола. Лукас сел рядом и открыл папку. Дэниел пришел через минуту, уже с

финансовыми пометками. Ноа вывел на экран предложение Richard Hawthorne Construction.

— Архитектурно они нам не интересны, — сказал он сразу. Лукас поднял глаза.

— Очень бережное начало.

— Я экономлю время. Они не про архитектуру, они про управляемый подрядный блок и логистику, в этом есть смысл. Макс смотрел на экран.

— Насколько? Ноа переключил слайд.

— Если ограничить их участок и не давать им критические узлы, риск приемлемый. Их сильная сторона — не масштаб, а гибкость. Они могут быстрее реагировать. Вопрос в том, выдержат ли давление SDG. Лукас усмехнулся.

— Давление SDG звучит как диагноз.

— Иногда так и есть, — сказал Дэниел. Ноа указал на таблицу.

— Вот здесь у них интересный расчет, аккуратный. Видно, что кто-то перепроверял не один раз.

— Кто-то — это Роуз Коллинз, — сказал Лукас. Ноа посмотрел на него.

— Ассистент?

— Ассистент, который сегодня вел презентацию вместо Хоторна.

— И выжил?

— Даже Макс не съел ее. Макс поднял взгляд, Лукас сразу поднял руки.

— Профессиональное наблюдение. Дэниел положил свои бумаги на стол.

— Финансово предложение среднее. Крупные подрядчики дают нам лучшие условия, но есть нюанс: у них ниже скрытые потери по координации, если верить их расчетам.

— Верить? — спросил Макс.

— Проверять, — поправил Дэниел. — Но расчет не выглядит нарисованным ради красоты. Ноа кивнул.

— Согласен. Они не обещают невозможного. Это уже плюс.

— Маленькая компания, — сказал Лукас. — Должны стараться усерднее других. Макс посмотрел на него.

— Старание не заменяет ресурсы.

— Нет. Но иногда компенсирует инертность. Крупные подрядчики уверены, что мы выберем их по умолчанию. Эти будут работать так, будто от результата зависит их будущее.

— Потому что зависит, — сказал Дэниел.

Ричард Хоторн опоздал на встречу, и это оставалось серьезным минусом. В SDG пунктуальность не считалась украшением профессионализма. Она была его частью. Если человек не может появиться вовремя на встрече, где решается потенциальный контракт, сможет ли он появиться вовремя там, где сроки будут измеряться не минутами, а штрафами? Но вместе с этим у Хоторна была Роуз Коллинз и это тоже было фактором. Макс не любил решения, основанные на людях, которых он не проверил. Люди обманывали. Документы

— тоже, но документы хотя бы оставляли след.

— Ваши выводы, — сказал он. Ноа ответил первым:

— Технически возможно, не идеально, но возможно.
Дэниел:

— Финансово невыгодно относительно крупных предложений, но не настолько, чтобы исключать. При ограниченном участке — допустимо. Лукас:

— Я бы дал им шанс на небольшом блоке, с жестким контролем. Много мы от этого не потеряем, а если они справятся, получим гибкого подрядчика, который будет держаться за нас обеими руками. Макс молчал. Все трое смотрели на него.

В SDG часто спорили, обсуждали, предлагали варианты, но последнее слово по таким решениям почти всегда оставалось за Максом. Не потому, что он не доверял команде, а потому что ответственность в итоге все равно приходила к нему. Он закрыл папку.

— Я обдумую. Лукас откинулся на спинку кресла.

— Перевод с максовского: «Я уже почти решил, но хочу сделать вид, что рациональный процесс еще идет».

— Лукас, — сказал Макс.

— Молчу. Ноа выключил экран.

— Тогда я возвращаюсь к Hudson Heights?

— Да, — сказал Макс. — И верни планшет. Ноа посмотрел на чехол, будто впервые заметил имя.

— Возможно.

— Это не ответ.

— Это архитектурный ответ. Лукас рассмеялся, Дэниел поднялся и собрал бумаги.

— У меня встреча с финансистами. Макс, вечером нужно обсудить Blackwood Properties. Они снова подали запрос по участку на Вест-Сайде. Макс поднял глаза.

— Сегодня?

— Да.

— Кто подписал?

— Виктор Блэквуд лично. На секунду в комнате изменился воздух, но достаточно, чтобы Лукас перестал улыбаться. Ноа убрал планшет под мышку. Макс медленно кивнул.

— В семь.

— Хорошо, — сказал Дэниел. Он вышел. Лукас задержался.

— Blackwood опять лезет к Hudson Heights?

— Похоже.

— Чудесно. День стал еще лучше. Макс не ответил. Лукас посмотрел на брата внимательнее.

— Ты думаешь о них или о Роуз Коллинз? Макс поднялся.

— Я думаю о работе.

— В твоём случае это не исключает ни первое, ни второе.

— У тебя есть задачи на площадке.

— У меня всегда есть задачи на площадке.

— Вот и займись ими. Лукас усмехнулся, но у двери оста-

новился.

— Она тебе понравилась. Макс посмотрел на него.

— Как сотрудник.

— Конечно.

— Лукас.

— Все, ухожу. Он вышел, оставив дверь приоткрытой. Макс остался один в малой переговорной. За стеклом виднелся город — огромный, дорогой, жесткий. Нью-Йорк не ждал никого, не прощал слабости, не раздавал возможности просто так. Он требовал, чтобы человек каждый день доказывал право быть здесь. Роуз Коллинз, судя по всему, уже давно это делала, только пока не там, где ее могли по-настоящему заметить. Макс достал телефон, сообщений от Марка Донована еще не было. Он убрал телефон, поправил манжету и вышел из переговорной. День продолжался. Впереди были встречи, звонки, Blackwood, финансовые отчеты, проект Hudson Heights, юристы и десятки решений, каждое из которых стоило больше, чем год работы маленькой компании Ричарда Хоторна.

К пяти вечера Роуз окончательно поняла, что день не просто не закончился. Он будто решил остаться с ней навсегда. В офисе уже сменился свет. Утренний серый оттенок давно исчез, дневная резкость прошла, и теперь через окна проникал тусклый вечерний холод, от которого все поверхности казались немного усталыми: столы, папки, стеклянные перегородки, чашки с недопитым кофе, лица сотрудников. По-

сле ухода представителей Sinclair Development Group работа продолжалась, звонили подрядчики, приходили письма, кто-то спорил с бухгалтерией, кто-то искал накладные. Принтер снова зажевал бумагу и издал такой звук, будто пытался умереть с достоинством, но для Роуз все это происходило как будто за стеклом.

Она сидела за своим столом, смотрела на экран и уже в третий раз перечитывала одно и то же письмо, не понимая смысла. Слова складывались в строки, строки — в абзацы, но внутри ничего не откликалось. Мы изучим материалы и сообщим решение в ближайшее время. Эта фраза крутилась в голове снова и снова. Роуз попыталась заставить себя работать. Она открыла таблицу по другому проекту, проверила дату, исправила один номер счета, ответила на письмо поставщику, потом вдруг поймала себя на том, что вместо нужного файла снова открыла презентацию для SDG. Роуз смотрела на нее так долго, будто от пристального взгляда могла выяснить, как она туда попала. Она точно меняла файл, точно сохраняла, точно проверяла вчера вечером и все же утром на экране появилась старая версия. Технический сбой? Её собственная ошибка? Тоже возможно, и именно эта мысль была самой неприятной, потому что Роуз ненавидела собственные ошибки сильнее чужих. Чужие можно было объяснить усталостью, небрежностью, обстоятельствами, свои она воспринимала как личное предательство. Она уже почти

убедила себя, что сама что-то перепутала, когда рядом возник голос Этана:

— Все еще любишься? Роуз закрыла файл, чтобы не показать, как резко внутри вспыхнуло раздражение.

— Тебе что-то нужно? Этан остановился у ее стола, держа в руках бумажный стакан с кофе. Он выглядел слишком довольным для человека, у которого тоже, формально, мог сорваться крупный контракт компании.

— Просто хотел узнать, как ты. Все-таки день тяжелый. Роуз подняла глаза.

— Очень заботливо.

— Я серьезно.

— Конечно. Он сделал глоток кофе.

— Просто странно, наверное. Работать месяц, не спать ночами, строить из себя незаменимого человека, а потом...

— А потом что, Этан?

— А потом мистер Синклер закрывает папку на середине презентации. Роуз почувствовала, как пальцы сами потянулись к ручке. Она убрала руку под стол.

— Он сказал, что им достаточно информации.

— Да, так обычно и говорят, когда больше слушать не хотят.

— Ты присутствовал на встрече?

— Нет.

— Тогда твои выводы преждевременны.

— Иногда не обязательно присутствовать, чтобы понять

результат. Роуз посмотрела на него внимательно. Этан улыбался. Не открыто злорадно — он был не настолько глуп, но у него был тот особенный блеск в глазах, который появляется у людей, когда чужое падение кажется им доказательством собственной значимости.

— Ты рад? — спросила она. Он слегка нахмурился.

— Чему?

— Что встреча прошла неидеально.

— Я рад? Роуз, это наша компания. Почему я должен радоваться?

— Не знаю. Скажи ты. На секунду его улыбка стала жестче.

— Может, потому что некоторым людям полезно помнить, что они не единственные, кто здесь умеет работать.

— Я этого никогда не забывала.

— Правда? А выглядело иначе. Роуз устало откинулась на спинку кресла.

— Этан, если ты хочешь сказать что-то конкретное, скажи. Если нет — у меня работа.

— Работа? — он усмехнулся. — Какая? Спасать то, что уже потеряно? В этот момент Роуз почти ответила, слова уже поднялись к горлу, но из приемной раздался голос Мэри:

— Этан Брукс. Он обернулся. Мэри стояла у стойки, держа папку в руках.

— Да?

— У тебя телефон звонит уже третью минуту.

— Я не слышал.

— Потому что был занят тем, что мешал человеку работать.

— Мэри, я просто разговаривал.

— Разговор — это когда оба человека хотят участвовать. Все остальное называется по-другому. Этан сжал челюсть.

— Вы сегодня особенно резки.

— А ты сегодня особенно предсказуем. Иди отвечай на звонок. Он посмотрел на Роуз.

— Мы потом договорим.

— Не сомневаюсь, — спокойно ответила она. Этан ушел. Мэри подошла к столу Роуз и поставила перед ней маленькую шоколадку.

— Ешь. Роуз посмотрела на нее.

— Это взятка?

— Это профилактика убийства.

— Я не собиралась его убивать.

— Потому что у тебя воспитание, но в глазах уже появились варианты. Роуз взяла шоколадку, но не открыла.

— Он думает, что я все испортила.

— Этан думает, что если кто-то рядом светит ярче, нужно не зажечь свою лампу, а плюнуть в чужую. Не используй его как источник правды. Роуз молчала. Мэри немного смягчилась.

— Ричард просил тебя зайти.

— Сейчас?

— Да.

— Он сердится? Мэри посмотрела на нее так, будто Роуз спросила глупость.

— На тебя? Нет. На себя — очень. Это было хуже. Роуз встала, взяла блокнот, потом поняла, что блокнот не нужен, и оставила его на столе.

До кабинета Ричарда было всего несколько шагов, но она шла медленно. Утром этот коридор казался ей дорогой к возможности. Теперь — к разговору, которого она боялась сильнее, чем вопросов Максвелла Синклера. Дверь была приоткрыта, она постучала.

— Можно?

Ричард сидел за столом без пиджака, с ослабленным галстуком и очками в руке. Перед ним лежали материалы презентации. Не распахнутые, не изучаемые — просто лежали, как напоминание. Он поднял голову.

— Заходи, Роуз. Закрой дверь. Она закрыла, в кабинете стало тихо. Ричард несколько секунд смотрел на нее, и в этом взгляде было столько усталой вины, что Роуз заранее захотелось его защитить.

— Если вы снова будете извиняться, — сказала она, стараясь говорить легко, — я начну чувствовать себя еще хуже. Ричард чуть улыбнулся, но улыбка не задержалась.

— Тогда я начну с другого. Ты справилась. Роуз опустила взгляд.

— Они не дослушали.

— Это не значит, что ты не справилась.

— Максвелл Синклер остановил презентацию на середине.

— Потому что ему хватило того, что он услышал.

— Или потому что ему не понравилось.

— Возможно. Она подняла глаза. Ричард не стал притворяться и за это Роуз была ему благодарна.

— Возможно, — повторил он. — Мы не знаем, но я знаю другое: ты оказалась в ситуации, в которую не должна была оказаться, и выдержала ее лучше, чем многие руководители выдерживают собственные встречи. Роуз села в кресло напротив.

— Я все равно чувствую, что провалилась.

— Это чувство не всегда говорит правду. Она усмехнулась.

— Было бы удобно, если бы говорило.

— Нет. Тогда мы бы все давно сошли с ума. Ричард отложил очки и потер переносицу.

— Я спустил месяц твоей работы впустую.

— Не говорите так.

— Это правда.

— Нет. Правда в том, что была авария.

— Правда в том, что руководитель должен предусматривать риск.

— Вы выехали заранее.

— Недостаточно заранее.

— Ричард.

— Роуз. Они оба замолчали, потом Ричард посмотрел на нее мягче.

— Ты знаешь, почему я хотел, чтобы ты была на встрече?

— Потому что я готовила материалы.

— Не только. Она замерла.

— А почему?

— Потому что тебе пора перестать оставаться за дверью.

Роуз не сразу поняла, что сказать. Ричард продолжил:

— Ты слишком долго работаешь так, будто твоя задача — помогать другим выглядеть лучше. Это хорошее качество для ассистента, но плохая привычка для человека, который хочет расти. Сегодня ты была не за дверью, ты была в комнате и даже если SDG нам откажет, это не изменит того, что ты должна была там быть.

У нее снова защемило глаза, она разозлилась на себя. Сегодня вообще все слишком легко подступало к слезам.

— Но если они откажут, премии не будет, — сказала она тише. Ричард кивнул.

— Я знаю.

— А учеба...

— Я знаю. Она отвернулась, не хотела, чтобы он видел ее лицо, но Ричард видел и так.

— Мы найдем решение.

— Не надо.

— Роуз.

— Правда. Не надо сейчас, я не хочу чувствовать, что вы должны исправлять еще и это.

— Я не «должен». Я хочу помочь.

— Я знаю. Поэтому и трудно. Он вздохнул.

— Упрямая.

— Вы сами меня такой сделали.

— Это самая несправедливая благодарность, которую я слышал. Она почти улыбнулась. Ричард подвинул к ней папку.

— Я пересмотрел материалы после встречи.

— И?

— Они сильные. Даже с учетом ошибки на слайде. Роуз напряглась.

— Я не понимаю, как она появилась.

— Думаешь, технический сбой?

— Не знаю. Ричард внимательно посмотрел на нее.

— Или думаешь, что кто-то вмешался? Она молчала слишком долго и этим ответила.

— Этан?

— Я не могу обвинять без доказательств.

— Я не спрашивал, можешь ли ты обвинять. Я спросил, думаешь ли ты. Роуз сжала пальцы.

— Я не знаю. Возможно, это моя ошибка, я устала, я могла сохранить не тот файл.

— Могла.

— Но я проверяла.

— Знаю. Он откинулся на спинку кресла.

— Я посмотрю журнал изменений. Роуз быстро подняла глаза.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что если это я, мне будет стыдно. А если не я...

— Тогда мне будет полезно знать, кто саботирует работу компании. Она ничего не ответила.

Ричард говорил спокойно, но в его лице появилась жесткость, которую Роуз видела редко. Он мог быть мягким начальником, но не был слабым. Возможно, именно поэтому люди в компании его уважали.

— Сегодня иди домой, — сказал он. Она встала.

— Хорошо.

— И еще. Она остановилась у двери.

— Это не твоя вина. Роуз кивнула, но не поверила, пока не смогла.

К тому времени, когда она вышла из офиса, на улице уже окончательно стемнело. Нью-Йорк вечером был совсем другим городом. Днем он требовал эффективности, быстрых решений, точных маршрутов, ответов на письма, звонков, встреч, отчетов. Вечером он включал огни и делал вид, что все это было не так серьезно, витрины становились теплыми, такси — яркими пятнами в потоке, люди на тротуарах — силуэтами с шарфами, пакетами, телефонами, чужими разго-

ворами. Роуз вышла из здания и остановилась у входа. Она не сразу поняла, куда идти. Домой? В метро? Просто пройтись? Внутри было слишком много всего, но ни одна мысль не задерживалась достаточно долго, чтобы стать решением. Она достала телефон, открыла переписку с Хлоей, закрыла. Открыла Эвелин и нажала вызов.

Эвелин ответила не сразу, на фоне были приглушенные голоса, сигнал какого-то аппарата, шаги.

— Роуз? — сказала она. — Я на пять минут вышла из отделения. Что случилось? Вот это было плохо, потому что стоило Эвелин спросить спокойно, без паники, с готовностью выслушать, как у Роуз мгновенно задрожали губы.

— Я, кажется, все испортила, — сказала она и слезы потекли сразу. Она отвернулась к стене здания, чтобы прохожие не видели ее лица.

— Я так старалась, Эв. Я правда так старалась, целый месяц. Я знала каждую цифру. Я спала среди этих чертовых документов, а утром Ричард опоздал из-за аварии, и мне пришлось начинать самой, потом на слайде оказалась старая диаграмма, хотя я точно ее меняла. Я попыталась исправить, вроде получилось, но потом Синклер просто остановил презентацию и сказал, что ему достаточно, а когда Ричард приехал, он сказал ему, что это непрофессионально. И, наверное, он прав, но мне так обидно. И Этан весь день ходил так, будто выиграл что-то. И я не знаю, что будет с контрактом, с премией, с учебой... Она замолчала, потому что дыхания

не хватило. Эвелин ничего не сказала сразу и это было главным отличием Эвелин от Хлои. Хлоя уже на второй фразе взорвалась бы:

— Да пошел этот Синклер! Да кто он такой! Да ты у нас лучшая! Да давай выпьем, купим платье и забудем его лицо! И Роуз любила ее за это. Хлоя умела превратить любую боль в шум, цвет и движение. Рядом с ней невозможно было долго сидеть в темноте. Она открывала окна, включала музыку, заказывала коктейли и говорила, что мир не заслуживает женских слез, особенно если тушь дорогая, но иногда Роуз нужен был не фейерверк. Иногда ей нужен был человек, который сядет рядом в темноте и не станет сразу включать свет. Эвелин была именно такой.

— Ты сейчас где? — спросила она.

— У офиса.

— На улице?

— Да.

— Замерзла?

— Немного.

— Тогда начни с простого. Иди в сторону метро или зайди куда-нибудь погреться. Плакать на холоде вредно и неэффективно. Роуз всхлипнула и неожиданно рассмеялась.

— Ты сейчас сказала, что мои слезы неэффективны?

— Я сказала, что место выбрано плохо.

— Ужасная поддержка.

— Очень качественная. Просто без драматургии. Роуз вы-

терла щеку пальцами.

— Я не знаю, что делать.

— Пока ничего.

— Это не похоже на совет.

— Это лучший совет. Ты сейчас не в состоянии принимать решения. Ты устала, расстроена и голодна.

— Я не голодна.

— Ты голодна. Просто тревога громче.

— Ты не знаешь.

— Роуз, я сегодня шесть часов слушала людей, которые утверждали, что «почти не болит», пока держались за живот обеими руками. Я узнаю отрицание даже по телефону. Роуз снова почти улыбнулась.

— Я правда все испортила?

— Давай по фактам.

— Эв...

— Нет, именно по фактам. Ричард опоздал. Это не твоя вина. На слайде была ошибка, ты ее заметила и исправила. Это плюс. Синклер остановил презентацию. Ты не знаешь почему. Это не факт провала, это неопределенность. Этан вел себя как придурок. Это неприятно, но не новость. Учеба пока не оплачена. Это проблема, но не сегодняшнее решение. Роуз прислонилась плечом к холодной стене.

— Когда ты так раскладываешь, звучит менее ужасно.

— Потому что ужас любит кашу. Если разложить его по полкам, он теряет половину силы.

— Ты должна писать мотивационные книги.

— Я и так пишу пациентам назначения, это почти то же самое, только честнее. Несколько секунд Роуз молчала. Потом сказала:

— Я не могла позвонить Хлое.

— Потому что она бы начала ругаться?

— Да.

— И сказала бы, что Синклер просто богатый эмоционально недоступный тип с красивым подбородком? Роуз замерла.

— Я не говорила, что у него красивый подбородок.

— Но теперь я знаю.

— Эвелин.

— Что? Я врач. Я делаю выводы по симптомам.

— Спасибо.

— Купи еду.

— Я не хочу.

— Купи, что-нибудь теплое и что-нибудь сладкое, сегодня можно.

— Можно?

— Я официально разрешаю.

— Как врач?

— Как подруга. Как врач я бы добавила овощи, но не будем портить момент. Роуз кивнула, хотя Эвелин не могла этого видеть.

— Хорошо.

— И напиши мне, когда будешь дома.

— Напишу.

— Роуз?

— Да? Голос Эвелин стал мягче.

— Даже если они откажутся, это не значит, что ты недостаточно хороша. Это значит только, что один контракт не случился. Роуз закрыла глаза.

— А если мне очень нужно, чтобы он случился?

— Тогда я понимаю, почему тебе больно, но больно — не значит конец. Роуз молчала.

— И еще, — добавила Эвелин. — Ты не обязана быть сильной каждую минуту, чтобы считаться сильной.

— Я напишу тебе дома, — сказала Роуз.

— Жду. Они попрощались. Роуз убрала телефон в сумку и несколько секунд просто стояла, потом выпрямилась и пошла. Сначала — к маленькому ресторанчику за углом. Там продавали лапшу в картонных коробках, суп, рис, курицу в сладком соусе и чизкейк, который был слишком сладким, слишком плотным и совершенно не похожим на то, что едят люди, умеющие заботиться о своем здоровье.

Сегодня Роуз выбрала именно его.

— Один рамен с курицей, — сказала она кассиру. — И чизкейк. Потом, подумав, добавила:

— И шоколадные конфеты. Кассир поднял глаза.

— Тяжелый день? Роуз устало улыбнулась.

— Очень.

— Тогда возьмите карамельный соус к чизкейку, за счет заведения. Она неожиданно почувствовала, как снова щиплет глаза.

— Спасибо, — сказала она тихо. Пакет был теплым. Домой она добралась почти в восемь. Квартира встретила ее темнотой и привычной тишиной. На кухонном столе все еще лежала чашка, которую она не успела вымыть утром, на стуле висел домашний свитер, на кровати, к счастью, больше не было бумаг — она убрала их утром, когда еще верила в порядок. Роуз сняла туфли прямо у двери, потом пальто, потом поставила пакет с едой на журнальный столик и включила телевизор. На экране появилось какое-то вечернее шоу, люди смеялись, аплодировали, ведущий говорил быстро, в зале мигал свет. Роуз убавила громкость до минимума и села на диван, поджав под себя ноги. Она открыла коробку с раменом, пар поднялся к лицу, запах был теплый, соленый, почти успокаивающий. Она сделала несколько глотков бульона и поняла, что Эвелин была права. Она была голодна, просто весь день не замечала. Телефон завибрировал. Мама. Роуз посмотрела на экран. Сердце сжалось. Она знала, что должна ответить, знала, что она волнуется, но если она сейчас услышит:

— Ну как прошло, милая? То сломается снова, а мама услышит иначе переживать и, возможно, не будет спать и Роуз придется успокаивать ее, хотя самой сейчас хотелось,

чтобы кто-нибудь просто выключил день и сказал: все, хватит, ты уже достаточно выдержала. Телефон продолжал звонить, потом звонок закончился. Через минуту пришло сообщение. Мама: Милая, как ты? Как прошла встреча? Позвони, когда сможешь. Люблю тебя.

Роуз прочитала сообщение несколько раз, потом набрала ответ: Я очень устала. Расскажу завтра, хорошо? Люблю тебя. Телефон снова лег на диван рядом.

Роуз ела молча, почти не чувствуя вкуса. Шоу на экране продолжалось, кто-то рассказывал смешную историю, зрители смеялись, камера выхватывала улыбающиеся лица. Все это казалось происходящим в другом мире — мире, где люди не думают о презентациях, ошибках, платежах за учебу, ипотеке матери и мужчинах в дорогих костюмах, которые умеют одной фразой обрушить весь смысл месяца. Она открыла чизкейк, съела одну ложку, карамельный соус оказался слишком сладким, идеально. Роуз откинулась на спинку дивана. В голове снова всплыл Максвелл Синклер.

Она взяла телефон и написала Эвелин: Я дома. Купила еду. Ты была права, я была голодная.

Ответ пришел почти сразу. Эвелин: Я всегда права. Ешь и спи. Завтра мир будет менее ужасным. Роуз улыбнулась, потом, уже не думая, открыла поисковик и набрала: Maxwell Sinclair Sinclair Development Group Результаты появились мгновенно: фотографии, статьи, интервью, заголовки. Максвелл Синклер: человек, который перестраивает Нью-Йорк.

Sinclair Development Group выходит на новый уровень городского девелопмента. Почему SDG выбирает сложные проекты и редко проигрывает тендеры. Роуз смотрела на экран несколько секунд, потом резко закрыла вкладку.

— Нет, — сказала она вслух. — Сегодня не надо. Она положила телефон экраном вниз, допила воду, телевизор все еще бормотал, город за окном сиял холодными огнями, где-то там, среди этих башен, был офис SDG и, возможно, там уже приняли решение. Роуз не знала и от этого было хуже всего. Она легла на диван, натянула на себя плед и сказала себе, что полежит десять минут, а потом уберет еду, умоется и ляжет нормально в кровать, но тело решило иначе. Усталость накрыла ее без предупреждения.

Последнее, что она увидела перед тем, как провалиться в сон, было не лицо Максвелла Синклера, не экран презентации и не сообщение матери, а маленький стикер, случайно выпавший из ее блокнота и теперь лежавший на журнальном столике рядом с коробкой от чизкейка. Роуз смотрела на него, пока буквы не начали расплываться, потом закрыла глаза и уснула.

Глава 3.

Утро в офисе Sinclair Development Group начиналось раньше, чем в большинстве компаний Нью-Йорка. Никто официально требовал приходить до рассвета. Максвелл Синклер не верил в бессмысленную демонстрацию трудолюбия.

Сотрудник, который сидел за столом двенадцать часов и за это время трижды открывал один и тот же отчет, не вызывал у него уважения. Усталость сама по себе не была достоинством, достоинством был результат, но люди в SDG все равно приходили рано. Возможно, потому что компания давно переняла ритм своего владельца. Макс не любил опаздывать. Он предпочитал быть в кабинете до того, как город окончательно проснется, до того, как коридоры наполнятся шагами, до того, как переговорные займут команды, до того, как первые письма начнут требовать немедленных ответов. В семь двадцать пять он уже стоял у панорамного окна своего кабинета, держа в руке чашку черного кофе.

За стеклом Манхэттен был холодным и почти синим. Утреннее солнце еще не поднялось высоко, но уже касалось верхушек зданий, оставляя нижние улицы в тени. Машины двигались тонкими светящимися линиями. Люди казались слишком маленькими, почти условными. Город выглядел как макет — огромный, дорогой, сложный, но все же макет, который кто-то однажды придумал, начертил, рассчитал и построил. Макс всегда любил смотреть на Нью-Йорк именно утром, вечером город отвлекал огнями, утром он показывал структуру.

На столе за его спиной уже лежали документы по Hudson Heights, несколько финансовых отчетов, папка с материалами Richard Hawthorne Construction и распечатка, которую ночной ассистент положил в отдельный черный файл без

подписи. Макс сделал глоток кофе, телефон на столе завибрировал ровно в семь тридцать. Он не обернулся сразу, знал, кто звонит. Люди, которым Макс поручал работу, редко опаздывали с результатом, особенно Марк Донован. Он поставил чашку на стол, взял телефон и принял вызов.

— Синклер.

— Донован, — коротко ответил голос.

Марк Донован никогда не тратил время на лишние вступления. Даже в тех редких случаях, когда новость была хорошей, он произносил ее так, будто докладывал о потенциальной угрозе. Впрочем, именно за это Макс его и ценил. Бывший военный, затем специалист по корпоративной безопасности, Марк появился в SDG шесть лет назад после неприятного случая с утечкой тендерной документации. Тогда компания потеряла контракт не из-за слабого предложения, а из-за того, что кто-то слишком рано узнал их цифры. Макс не любил проигрывать, но еще больше он не любил проигрывать вслепую. С тех пор в SDG появилась внутренняя служба безопасности, а во главе — Марк Донован.

Сорок пять лет. Сухое лицо, коротко стриженные темные волосы с сединой, почти полное отсутствие мимики и привычка входить в помещение так тихо, что люди начинали невольно вспоминать, не сделали ли они чего-нибудь незаконного. Он не был грубым. Он просто считал, что информация — это кислород бизнеса и если кто-то перекрывает кислород, нужно знать его имя раньше, чем он успеет зажечь

спичку.

— Говори, — сказал Макс.

— Роуз Элизабет Коллинз. Двадцать три года. Родилась и выросла в Нью-Йорке. Отец — Томас Коллинз, умер восемь лет назад. Мать — Линда Коллинз, бухгалтер. Живет отдельно, аренда квартиры на Бруклинской стороне. Адрес подтвержден. Макс молча слушал. Утренний свет ложился на край стола, на черную папку, на его руку с телефоном.

— Образование, — продолжил Марк. — Окончила колледж с высшими баллами практически по всем профильным предметам. Отдельно отмечены дисциплина, аналитика, письменные работы, проектное планирование. Преподаватели характеризовали ее как очень сильного студента, но без склонности к публичному лидерству. Скорее человек, который вытягивает проект за счет подготовки. Макс слегка прищурился, это совпадало.

— Стажировка?

— Проходила стажировку в архитектурно-девелоперской фирме высокого уровня. Отзывы хорошие. Ее рекомендовали оставить в штате, но позиция требовала завершеного университетского диплома, на тот момент у нее его не было.

— Поэтому ушла к Хоторну?

— Да. Через два месяца после стажировки устроилась в Richard Hawthorne Construction. Официально — личный ассистент директора. По факту выполняет часть проектной координации, работу с документами, подготовку коммерче-

ских предложений, коммуникацию с подрядчиками. Макс медленно сел за стол.

— Зарплата?

— Четыре тысячи пятьсот долларов в месяц до налогов. Средняя по рынку для заявленной должности, ниже фактического объема обязанностей. Макс не изменился в лице, но ручка, лежавшая на столе рядом с папкой, чуть сместилась под его пальцами. Вчера он видел не среднюю работу.

— Сейчас учится? — спросил он.

— Да. Параллельно работает и получает университетское образование. Успеваемость высокая, пропусков почти нет, несколько платежей были внесены с задержкой, но без просрочки по статусу обучения. Макс посмотрел в окно. Роуз Коллинз, засыпающая среди бумаг, это почему-то сложилось слишком легко.

— Финансовые риски?

— Крупных долгов нет. Кредиты отсутствуют. Есть регулярные переводы матери, у матери ипотека, платежи напряженные, но без серьезных нарушений. Макс молчал. Марк продолжил:

— Рекомендации хорошие. В колледже — положительные. Со стажировки — положительные. У Хоторна, судя по открытым источникам и контактам, ее ценят. Конфликтов, дисциплинарных проблем, репутационных вопросов нет.

— Личная жизнь?

— Вы просили не заходить в личное.

— Верно.

— Поэтому не заходил. Макс чуть заметно кивнул, хотя Марк не мог этого видеть.

— Что-то еще?

— Есть один момент. Вчерашний файл презентации был изменен утром до встречи. Доступ к компьютеру, с которого вносили изменение, вероятно, имел сотрудник компании Хоторна. Доказательств вмешательства у нас нет, потому что это их внутренняя система, но по временной линии ошибка могла появиться не по вине Коллинз. Макс поднял глаза.

— Кто?

— Недостаточно данных. Если получите разрешение Хоторна на техническую проверку, скажу точнее. Несколько секунд Макс молчал. Перед ним лежала папка с предложением маленькой компании.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Отчет мне на почту. Краткую версию — Оливии.

— Уже отправлено.

— Спасибо, Марк.

— Всегда. Связь оборвалась. Макс положил телефон на стол. Некоторое время он просто сидел, глядя на черную папку. Если бы Макс был человеком мягче, он мог бы назвать то, что почувствовал, сочувствием, но он не любил это слово. Сочувствие слишком часто ставило одного человека выше другого, а Роуз Коллинз, судя по всему, не нуждалась в том, чтобы ее жалели. Ей нужна была возможность и деньги,

конечно, но деньги без возможности превращались в подачку. Макс не давал подачек. Он платил людям за ценность. Дверь кабинета открылась без стука.

— Я чувствую, что сейчас услышу что-то, из-за чего мой день станет сложнее, — сказал Лукас Синклер, входя внутрь с бумажным стаканом кофе в руке. Макс даже не поднял головы.

— Закрывай дверь.

— Прекрасно. Уже драматично. Лукас закрыл дверь и прошел к столу. В отличие от брата он редко выглядел так, будто родился в костюме. Сегодня на нем были темно-серые брюки, рубашка без галстука и пиджак, который он нес на плече. В его волосах все еще оставался след ветра, а выражение лица было слишком живым для раннего утра.

— Марк прислал проверку? — спросил он. Макс посмотрел на него.

— Ты слишком много угадываешь.

— Нет. Я просто знаю тебя. Если бы речь шла только о Хоторне, ты бы уже закрыл вопрос, а если речь о Роуз Коллинз, ты будешь делать вид, что изучаешь «кадровый потенциал». Макс откинулся на спинку кресла.

— После обеда поедешь со мной.

— Куда?

— К Хоторну. Лукас перестал улыбаться.

— Вторые переговоры?

— Да.

— Мы не планировали.

— Теперь планируем.

— Дэниел?

— Не нужен.

— О, — Лукас поставил кофе на столик у стены. — Значит, это не про финансовый блок.

— Это про условия.

— Какие? Макс открыл папку Оливии, которую она прислала ему поздно вечером. В ней было три страницы: возможная новая позиция, функционал, уровень оплаты, испытательный срок, образовательные условия. Оливия, разумеется, не просто «дала добро». Она расписала риски, ограничения и добавила в конце короткую фразу: Кандидат может быть рассмотрен только после личного собеседования и оценки профессиональных навыков. Создание позиции возможно при подтверждении необходимости проектной координации в блоке СЕО. В переводе с языка Оливии это означало: я не согласна безоговорочно, но дверь открыта.

— Мы предложим Хоторну сделку, — сказал Макс. Лукас смотрел на него внимательно.

— Ты понимаешь, как это прозвучит?

— Сегодня я буду вежлив. Макс закрыл папку.

— Именно на это я и рассчитываю.

Роуз проснулась разбитой, не просто уставшей. Разбитой — будто сон не собрал ее обратно, а только аккуратно сложил обломки в более удобное положение. Она открыла глаза

и не сразу поняла, где находится, потом увидела телевизор, который все еще светился без звука, коробку из-под рамена на столике, недоеденный чизкейк, плед, наполовину сползший на пол, и телефон рядом с подушкой дивана. Она так и не дошла до кровати.

Роуз медленно села, шея болела, в висках было тяжело. Во рту остался неприятный привкус сладкого и слез, хотя она уже давно не плакала. Телефон завибрировал почти сразу, будто ждал, когда она проснется. Мама. Роуз посмотрела на экран. Вчера она не ответила. Написала короткое сообщение, не объяснила ничего. И теперь, конечно, мама звонит снова — не из любопытства, а из тревоги, которую пыталась всю ночь держать при себе. Роуз ответила.

— Мам.

— Роуз? — голос Линды был мягким, но внимательным.

— Ты проснулась?

— Да.

— Как ты? Роуз откинулась на спинку дивана и закрыла глаза.

— Нормально. Мать умела молчать так, что ложь начинала выглядеть неловко, она вообще многое умела. Ей было сорок девять, но усталость иногда делала ее старше, а улыбка — моложе. Невысокая, светловолосая, с мягкими чертами лица и глазами Роуз — только более светлыми, почти янтарными. После смерти мужа она долго работала бухгалтером в небольшой фирме, брала дополнительные отчеты на дом,

экономила на себе, но всегда находила способ купить дочери нужный учебник, теплое пальто или билеты на выставку, если знала, что Роуз очень хочет пойти. Линда была из тех женщин, которые не казались сильными на первый взгляд, но она удержала их жизнь, когда отец умер, счета остались, ипотека никуда не исчезла, а Роуз было пятнадцать и она еще не понимала, почему взрослые иногда плачут ночью на кухне так тихо, будто извиняются перед стенами. С тех пор Роуз многое унаследовала от матери : привычку считать, привычку не просить.

— Расскажешь? — спросила Линда. Роуз посмотрела на часы, ей нужно было собираться, иначе она опоздает и все же она не встала.

— Встреча прошла... сложно.

— Сложно — это плохо?

— Это значит, что пока непонятно.

— Они отказали?

— Нет. Сказали, что подумают и сообщат решение.

— Это ведь не отказ.

— Нет.

— Тогда почему у тебя такой голос? Роуз потеряла переносицу.

— Потому что Ричард опоздал из-за аварии, мне пришлось начинать самой, потом случилась ошибка в презентации, и все было не совсем так, как я планировала.

— Ты справилась? Роуз хотела сказать «не знаю», но мама

и так слишком волновалась.

— Да. Кажется.

— Тогда я горжусь тобой. Роуз резко встала с дивана, будто движение могло остановить эмоции.

— Мам, не начинай, а то я сейчас опять буду реветь.

— Ты вчера плакала?

— Немного.

— Милая...

— Все нормально.

— Не говори так, когда не нормально. Роуз подошла к окну. Утро было светлым, но холодным. На стекле отражалось ее лицо: бледное, сонное, без макияжа, с растрепанными волосами.

— Просто день был тяжелый.

— А сегодня?

— Сегодня будет обычный рабочий день.

— По поводу ипотеки, — начала мама осторожно. Роуз сразу выпрямилась.

— Я посмотрю сегодня вечером.

— Нет, Роуз.

— Мам.

— Я не хочу, чтобы ты брала это на себя.

— Я не беру. Я просто помогу.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что мы семья. На другом конце линии стало тихо, потом мама сказала:

— Я не хочу, чтобы моя жизнь мешала твоей.

— Ты не мешаешь моей жизни, — сказала Роуз твердо.

— Ты моя жизнь, мам. Поэтому, пожалуйста, не волнуйся. Я разберусь.

— Ты не обязана...

— Я знаю, но я хочу.

— Хорошо. Но не сегодня. Сегодня просто проживи день.

Роуз посмотрела на коробку от чизкейка на столе.

— Постараюсь.

— Позвони вечером?

— Да.

— И поешь нормально.

— Мам, мне двадцать три.

— А я все еще твоя мать.

— Аргумент принят. Они попрощались. Роуз убрала телефон и несколько секунд стояла неподвижно, потом оглядела комнату. Все это выглядело как место маленького поражения. Она быстро убрала коробки, выключила телевизор, открыла окно на несколько минут и пошла в душ. Вода была очень горячей, Роуз стояла под ней долго, опустив голову, и позволяла вчерашнему дню стекать с кожи хотя бы внешне. Внутри он оставался, конечно, но снаружи можно было снова стать человеком, который умеет приходить на работу вовремя, отвечать на письма и не показывать, что ночью уснул на диване после провала. Когда она вышла из дома, день казался обычным. Люди шли по улицам, покупали ко-

фе, смотрели в телефоны, ругались на светофоры, смеялись, держали в руках бумажные стаканы, спешили на встречи. Мир не остановился из-за ее вчерашнего дня, даже не замедлился. Это было одновременно справедливо и обидно. Роуз почти машинально повернула к кофейне, где вчера купила себе латте, остановилась у витрины. Внутри было тепло и красиво. Бариста что-то рисовал молочной пеной в чашке. На полке лежали круассаны, маффины, булочки с корицей. На стойке стояла маленькая табличка с надписью: Good coffee, better decisions. Хороший кофе, лучшие решения. Роуз вдруг почувствовала себя ужасно глупо, вчера она купила этот кофе как знак, как маленькое обещание себе, что день будет важным, хорошим, заслуженным.

И что в итоге? Презентация оборвалась. Роуз отвернулась от витрины.

— Больше никогда, — пробормотала она. И пошла дальше, когда она вошла в офис, первое, что услышала, был голос Ричарда, совсем не похожий на его обычный тон.

— Ты понимаешь, что сделал? Роуз остановилась у входа. Мэри, стоявшая за стойкой, тоже подняла глаза, они переглянулись. В кабинете Ричарда дверь была закрыта, но голос все равно доносился отчетливо.

— Это не ошибка, Этан. Ошибка — это когда человек перепутал файл. Ошибка — когда не проверил версию. Ошибка — когда устал и сделал не то, а это было намеренное вмешательство в материалы презентации. Роуз почувствовала,

как внутри все похолодело. Мэри медленно положила ручку на стол. В кабинете раздался голос Этана — тише, но напряженно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.